

*Энн Тайлер стоит в одном ряду с Элис Манро и
Джонатаном Франзеном. Она летописец нашего времени.*

US TODAY

роман

ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

Номинация на премию «Букер» 2015

Энн Тайлер
Катушка синих ниток

«Фантом Пресс»

2015

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Тайлер Э.

Катушка синих ниток / Э. Тайлер — «Фантом Пресс», 2015

ISBN 978-5-86471-729-5

Уитшенки всегда удивляли своей сплоченностью и едва уловимой особостью. Это была семья, которой все по-хорошему завидовали. Но, как и у каждой семьи, у них была и тайная, скрытая от глаз реальность, которую они и сами-то толком не осознавали. Эбби, Ред и четверо взрослых детей в своем багаже имеют не только чудесные воспоминания о радости, смехе, семейных праздниках, но и разочарования, ревность, тщательно оберегаемые секреты. В романе Энн Тайлер, одной из лучших современных писательниц, разворачивается история трех поколений одной семьи – трогательная, но совсем не сентиментальная, драматичная, но ироничная, очень глубокая, но простая. Энн Тайлер иногда называют северной Фэнни Флэгг, но ее истории гораздо ближе рассказам А.П.Чехова – тонкие, грустные, забавные и невероятно глубокие. Она рассказывает их тихим, чуть насмешливым голосом, и они еще долго резонируют в душе, о них думаешь, и собственная жизнь предстает в новом свете – куда более наполненной смыслами. Иные книги вспыхивают ослепительными фейерверками, но быстро гаснут, оставляя после себя черное небо, в котором светятся редкие, но настоящие звезды – среди которых и романы Энн Тайлер. Энн Тайлер – лауреат Пулитцеровской премии, «Катушка синих ниток» в 2015 году номинировался на премию «Букер».

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-729-5

© Тайлер Э., 2015
© Фантом Пресс, 2015

Содержание

Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Энн Тайлер

Катушка синих ниток

A SPOOL OF BLUE THREAD by Anne Tyler

Copyright © 2015 by Anne Tyler

Это издание публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency and The Van Lear Agency

Изящная и глубокая, сентиментальная и ироничная комедия пополам с драмой. Энн Тайлер с виртуозной ловкостью превращает ситком в нечто значительное, тревожное и полное смыслов. Ее очевидный литературный дар направлен своим острием в самое сердце американской мечты. Ее новый роман о том, что даже у ангелов есть темная сторона. Она воистину великий романист, мудрый и с потрясающе тонким чувством юмора.

New York Times Book Review

И снова Энн Тайлер доказывает, что жизнь обычного семейства из среднего класса может быть темой для большого романа идей. Ее герои такие обычные, такие свойские, кажется, они и в самом деле живут в соседнем доме, но, глядя на их заурядную жизнь, хочется зажмуриться от мощного экзистенциального сияния.

Los Angeles Times

«Катушка синих ниток» – семейная драма в самом прямом смысле, вот только после чтения возникает ощущение, будто ты понял нечто очень важное, саму суть жизни. Роман о заплутавших путниках, которые всю жизнь ищут дорогу к дому, но он у них в душе.

Wall Street Journal

Истинный литературный шарм. Так просто и так здорово. Тайлер уже много-много лет остается лучшим летописцем семейной жизни.

Washington Post

Отлично скроенный, элегантно простой роман. Можно только надеяться, что Энн Тайлер еще не раз порадует нас своими обаятельными, ироничными, умными историями.

NPR.org

Среди ныне живущих романистов нет никого, кто писал бы пронизательней и ироничней, чем Энн Тайлер.

Baltimore Sun

Удивительно, как Энн Тайлер заставляет верить каждому ее слову, каждому поступку ее героев. Этот удивительный фокус она повторяет из книги в книгу. Она пишет так, словно персонажи – члены твоей собственной семьи. Даже самые лучшие из современных писателей не могут сравниться с ней в этом. И в том, как сквозь грусть и меланхолию ее рассказа вдруг прорывается неудержимое веселье.

The Guardian

Нежный, трогательный, но и едко саркастичный роман о том, что каждая семья и счастлива, и несчастлива по-своему.

Associated Press

Гений Тайлер как романиста в том, чтобы не судить своих героев. Писательница доверяет читателю решать и выносить суждения. Роман вдумчивый, интригующий и с превосходным юмором.

Boston Globe

У Энн Тайлер огромное число почитателей. И ни одним из своих романов она не обманула их ожидания. А с «Катушкой синих ниток» наверняка и превзошла, потому что это один из лучших, если не самый лучший, роман Тайлер. От почти комедии до высокой семейной драмы, от этой книги порой перехватывает дыхание.

Richmond Times Dispatch

Тайлер нежно распутывает нить жизни трех поколений одной семьи. Интимная, психологически выверенная история-портрет обычных людей, взглядевшись в которую начинаешь видеть множество странностей, смыслов, глубину. Книга о том, что под поверхностью заурядной жизни прячется нечто огромное, прекрасное и пугающее разом.

O Magazine

Роман о любви и напряжении, что связывают нас.

Gawker

Возможно, это лучший роман, который вы прочтете в этом году. Красивый, смешной, трагичный, а порой почти невыносимо горький.

Chicago Tribune

Лев Толстой писал, что все счастливые семьи счастливы одинаково. Энн Тайлер подтверждает это наблюдение, но с куда большим чувством юмора. Вот автор, которая и через пятьдесят лет после выхода первой ее книги демонстрирует отменную писательскую форму. Ее проза отполирована так, что буквально сияет с книжных страниц. Энн Тайлер делает беллетристику высокой литературой.

Houston Chronicle

Какой замечательный, натуральный писатель. Энн Тайлер знает все тайны человеческого сердца.

Моника Али

Книги Энн Тайлер как встречи с дорогим старым другом.

Рэйчел Джойс

Славное удовольствие для тех читателей, что ценят в книгах тонкость. Тайлер, получившая Пулитцеровскую премию, – мастер нежной комедии, сдержанной драмы.

The Independent

Книги Энн Тайлер более захватывающие, чем зубодробительные триллеры. Я не знаю другого писателя, который с такой точностью писал бы о

реальной жизни и чьи произведения были бы настолько же свободны от клише ТВ и голливудских штампов. Романы Энн Тайлер – это органическая пицца для души.

Mailon Sunday

Я читаю книги Энн Тайлер уже лет двадцать, и она ни разу не подводила меня. Тайлер обладает замечательным даром обнажать обыденность семейной жизни и превращать в нечто экстраординарное. Она вытаскивает то необычное, трагичное, смешное, что скрыто под обыкновенностью. Тайлер делает это снова и снова с гипнотической силой. Она удивительная.

Ванесса Берридж, Express

Энн Тайлер, старшая из четырех детей, родилась в Миннеаполисе, штат Миннесота, выросла в Рейли, штат Северная Каролина. В университете Дьюка специализировалась в области русского языка, истории и литературы, удостоилась премии Энн Флекснер за творческие успехи, стала членом братства «Фибета-каппа» и получила степень бакалавра искусств. Свои русские занятия она продолжила в Колумбийском университете, затем в течение года работала как библиограф в библиотеке университета Дьюка, два года была сотрудником Макгильского университета в Монреале. В 1963 году она вышла замуж за детского психолога и романиста иранца Таги Мохаммеда Модаресси (умер в 1997). Они переехали в Балтимор, ставший местом действия многих романов Тайлер. У нее две дочери. Тэз Модаресси – художница и Митра Модаресси – детская писательница и иллюстратор.

Энн Тайлер – автор 20 романов. За роман «Уроки дыхания» (1988) она была удостоена Пулитцеровской премии и еще дважды была финалистом Пулитцера. Ее последний роман «Катушка синих ниток» вошел в короткий список премии «Букер» 2015 года.

Часть первая

Не могу уехать, пока жива собака

1

Поздним июльским вечером 1994 года Реду и Эбби Уитшенк позвонил их сын Денни. Супруги укладывались спать, Эбби стояла у комода в комбинации, вынимая шпильки из пучка непослушных светло-русых волос. Сухопарый брюнет Ред, в полосатых пижамных штанах и белой футболке, сидел на краю кровати и снимал носки; он и ответил, когда рядом на ночном столике затрещал телефон.

– Дом Уитшенков, – сказал он.

И затем:

– А, привет.

Эбби, с поднятыми руками, повернулась от зеркала.

– В каком смысле, – в голосе ее мужа не было вопроса. – А? Что за чушь, Денни?

Эбби уронила руки.

– Алло? – произнес Ред. – Эй. Алло? Алло?

Он пару секунд помолчал и повесил трубку.

– В чем дело? – спросила Эбби.

– Он гей.

– *Что?!*

– Мне, говорит, нужно тебе кое-что сообщить. «Я гей».

– И ты повесил трубку?!

– Нет, Эбби. *Он* повесил. Я только и успел сказать: «Что за чушь?» – а он уже шварк – и все.

– Ред, ну как же так можно? – простонала Эбби и потянулась назад за бесцветным, некогда розовым, ворсистым халатом. Укуталась, туго завязала пояс. – Что на тебя нашло?

– Да я же не хотел его обидеть! Когда тебе такое выдают, что еще скажешь? «Что за чушь». Нормальная реакция.

Эбби схватилась за голову, примяв пышные волосы надо лбом.

– Я имел в виду, – принялся объяснять Ред, – «что *еще* за чушь, чем *еще* ты вздумал нас огорошить, Денни?» И он великолепно меня понял. Уж поверь. Зато теперь у него есть полное право заявить, что во всем виноват я, моя узколобость, или ретроградство, или... в общем, он найдет словечко. И он *обрадовался*, что я так ответил. Потому и повесил трубку: только и ждал от меня промашки.

– Ладно, – Эбби переменила тон, заговорила деловито: – Откуда он звонил?

– Мне почем знать? У него нет постоянного адреса, он не объявлялся целое лето, он уже поменял работу дважды. Правда, дважды – это с его слов, а может, и больше! Парню всего девятнадцать, а мы не в курсе, в каком уголке планеты его искать! Это, спрашивается, нормально?

– А тебе по звуку не показалось, что это межгород? Ты не слышал такого, знаешь... шуршания? Вспомни. Мог он звонить отсюда, из Балтимора?

– Я не знаю, Эбби.

Она села рядом с мужем. Матрац прогнулся в ее сторону: Эбби была женщина широкая, плотная.

– Надо его найти, – сказала она. И чуть погодя: – Нам нужен этот... как его... определитель номера, – она наклонилась и впилась взглядом в телефон. – Боженька, подари нам определитель прямо сейчас!

– Зачем? Чтобы ты ему названивала, а он не отвечал?

– Он никогда так не поступит. Он бы увидел, что это я звоню. И обязательно ответил бы, если б видел, что это я.

Она вскочила и зашагала туда-сюда по персидской ковровой дорожке, в центре вытертой почти до белизны от ее хождений. Спальня, просторная, хорошо обставленная, радовала глаз своей уютной затрапезностью – естественной для комнат, обитатели которых давно перестали замечать их красоту.

– А голос, какой у него был голос? – Эбби не успокаивалась. – Нервный? Расстроенный?

– Обычный.

– Это *по-твоему*. Он выпил? Как тебе показалось?

– Не знаю.

– А был с ним кто-нибудь? Компания?

– Не могу сказать...

– Или... кто-то один?

Ред резко вскинул глаза:

– Ты же не думаешь, что он серьезно?

– Разумеется, серьезно! Иначе с чего бы ему такое заявлять?

– Эбби, он не голубой.

– Ты-то откуда знаешь?

– Знаю, и все. Попомни мои слова. Потом поймешь, что вела себя глупо: ах, ужас и кошмар, я делала из мухи слона!

– Тебе просто удобно так считать.

– Да где твоя женская интуиция? Ведь речь о парне, который еще в средней школе довел девочку до беды.

– И что? Это ничего не значит. Может, это вообще симптом.

– Чего-чего?

– Ничего нельзя знать наверняка о сексуальной жизни другого человека.

– Вот уж слава тебе господи, – проворчал Ред.

Он наклонился и, кряхтя, потянулся под кровать за тапочками, а Эбби остановилась и вновь приклеилась взглядом к телефону. Положила руку на трубку, замерла в нерешительности. Быстро схватила, на полсекунды прижала к уху, бросила обратно.

– С определителем номера штука в том, – словно обращаясь сам к себе, заговорил Ред, – что это в некотором роде жульничество. Телефонный звонок – всегда риск. Человек должен решить, рисковать ему или нет, отвечать или нет. В этом *суть* телефонной связи, я считаю.

Он с некоторым трудом поднялся и пошел в ванную. Эбби сказала ему в спину:

– Но это многое объяснило бы, согласишься? Если он действительно гей.

Ред уже закрывал дверь ванной, но высунул голову и недовольно уставился на жену. Его тонкие черные брови, обычно прямые как палочки, почти связались узлом.

– Иногда, – бросил он, – я горько проклиная тот день, когда женился на социальном работнике, – и громко хлопнул дверью.

Когда Ред вернулся, Эбби сидела на кровати, сцепив руки на груди поверх кружев ночной сорочки.

– Ты не можешь винить во всех бедах Денни мою профессию, – сказала она.

– Я только о том, что ты иногда проявляешь *чрезмерное* понимание. Всепрощение, сострадание. Лезешь ребенку в душу.

– Понимание не бывает чрезмерным.

– Слова типичного соработника.

Она раздраженно фыркнула и еще раз посмотрела на телефон, который стоял со стороны мужа. Ред забрался под одеяло, закрыв ей обзор, и выключил лампу на прикроватном столике. Комната погрузилась в темноту, лишь слабо светились два высоких окна, выходящие на газон перед домом.

Ред лежал на спине, а Эбби все сидела.

– Как думаешь, он перезвонит? – спросила она.

– Да, рано или поздно.

– Мальчику и так пришлось призвать на помощь всю свою храбрость. Вдруг он больше не осмелится?

– Храбрость? Какую еще храбрость? Мы его родители. Зачем для звонка родителям храбрость?

– Не родителям, а тебе, – сказала Эбби.

– Это нелепо. Я сроду его пальцем не тронул.

– Да, но и не поощрял никогда. Ты вечно ищешь в нем недостатки. С девочками ты весь сахарный, и Стем тоже твой человек. Но Денни!

С ним все сложно. Иногда мне кажется, что он тебе даже не нравится.

– Эбби, побойся бога! Ты прекрасно знаешь, что это неправда.

– Нет, конечно, ты его любишь. Но я видела, как ты иногда на него смотришь. С таким выражением: это еще что за тип? Не думай, что он этого не замечает.

– Прекрасно, – ответил Ред. – Но как тогда получилось, что избегает он тебя, а не меня?

– Ничего он меня не избегает!

– Лет с пяти-шести он не пускал тебя в свою комнату. Сам готов был менять постельное белье, лишь бы ты к нему не заходила. Он почти никогда не приводил в гости друзей, не признавался, как их зовут, и даже не рассказывал, как провел день в школе. Уйди, мама, говорил, не мешай, не лезь, не дыши мне в затылок. А та книжка с картинками – ну, которую он терпеть не мог, которую изорвал, помнишь? Где крольчонок, чтобы убежать, хотел превратиться в рыбку, в облачко и тому подобное, а мама-крольчиха твердила, что превратится в то же самое – и за ним! Денни вырвал из этой книги все страницы до единой!

– Это абсолютно ни при...

– Ты удивляешься, почему он стал голубым? То есть не стал, но как будто бы стал, раз уж ему пришло в голову этим нас ошарашить, так вот знаешь почему? Я тебе скажу. Дело всегда в матери. В чертовой, понимаешь ли, матери!

– Что? – вскричала Эбби. – Это нелепая, устаревшая, ретроградская и... *неверная* теория! Я даже отвечать ничего не стану.

– Однако вон сколько наговорила.

– Как тогда насчет отца? Если следовать твоим же средневековым воззрениям. Как насчет отца-строителя, крутого мачо, который только и твердил сыну: «Не трусь, будь мужчиной, не хнычь из-за пустяков, лучше влезь на крышу и приколоть шифер!»

– Шифер не *приколачивают*, Эбби.

– Так что насчет отца? – повторила она.

– Хорошо, хорошо! Я такой. Худший в мире папаша. Все, поздно, не поправишь.

На мгновение воцарилась тишина, и стало слышно, как мимо едет машина.

– Я не сказала, что ты *худший*.

– Ну... – буркнул Ред.

Они помолчали.

Затем Эбби спросила:

– Есть ведь, кажется, номер, который можно набрать, чтобы узнать, кто звонил последним?

– Звездочка шестьдесят девять, – незамедлительно ответил Ред и кашлянул. – Но ты же не станешь?..

– Почему?

– Напомню тебе, что разговор прервал Денни.

– Это потому, что ты его обидел, – заявила Эбби.

– Если б я его обидел, он бы подождал вешать трубку. Не бросил бы ее так сразу. А он как будто только того и ждал. Прямо-таки потирал руки в предвкушении, когда делал свое признание. Так с места в карьер все и выдал. Я хотел тебе кое-что сказать, говорит.

– Раньше было «мне *нужно* тебе кое-что сказать».

– Ну да, как-то так.

– Но все-таки что?

– А есть разница?

– Да, есть.

Ред помолчал секунду. Потом задумчиво зашептал:

– Я должен тебе кое-что сказать... Мне нужно тебе кое-что сказать... Пап, я хотел бы... – И сдался: – Я не помню.

– Набери «звездочка шестьдесят девять», будь добр.

– Я все не могу понять, зачем ему это? Знает же, что я не гомофоб. Черт, да у меня и на работе есть гей, мастер по гипсокартону. О чем Денни прекрасно известно. Не понимаю, почему он думал нас этим разозлить. В смысле, я, конечно же, не в восторге. Своим детям желаешь как можно меньше трудностей в жизни. Но...

– Дай телефон, – попросила Эбби.

Раздался звонок.

Эбби бросилась через Реда, но он схватил трубку первым. Впрочем, после небольшой возни телефон все равно оказался у Эбби. Она села прямо и сказала:

– Денни?

И тут же:

– А, Джинни.

Ред опять лег ровно.

– Нет-нет, не спим, – заверила Эбби. И после паузы: – Конечно. А что с твоей? – Снова пауза. – Нет-нет, без проблем. Да, завтра в восемь, увидимся, пока.

Она передала трубку Реду. Тот взял ее и поставил на базу.

– Просит мою машину, – объяснила Эбби, укладываясь на своей стороне кровати. И добавила тонким, каким-то очень одиноким голосом: – Звездочка шестьдесят девять теперь не работает, да?

– Нет, – ответил Ред. – Не думаю.

– Ой, но что же нам делать? Мы больше никогда его не услышим. Он не даст нам второго шанса.

– Да что ты, милая, – успокоил Ред, – Денни обязательно еще позвонит, точно тебе говорю.

Он привлек жену к себе, пристроил ее голову на свое плечо. Так они и лежали, пока Эбби не успокоилась и не задышала медленно, размеренно. А Ред все смотрел в темноту и вдруг зашептал еле слышно, пробуя так и этак:

– Должен сказать тебе кое-что. Мне нужно тебе кое-что сказать. Пап, я бы хотел. Пап, мне нужно. – Потом раздраженно мотнул головой на подушке и начал снова: – Сказать тебе кое-что: я гей. Кое-что тебе сказать: думаю, что я гей. Я гей. Я думаю, что я гей. Думаю, что, возможно, я гей. Я гей.

В конце концов Ред замолчал и тоже заснул.

* * *

Разумеется, он потом позвонил. В семье Уитшенк чурались *мелодраматизма*, и даже Денни был не из тех, кто способен исчезнуть с лица земли и прекратить всяческое общение, – во всяком случае, не так чтобы раз и навсегда. Он, правда, тем летом не поехал с ними на море, но вряд ли из-за обиды, просто зарабатывал себе на карманные расходы в следующем году (Денни учился в колледже Сент Эскил в Пронгхорне, штат Миннесота). Он позвонил в сентябре и попросил денег на учебники. Дома, к сожалению, оказался один Ред, и разговор вышел не слишком информативный.

– О чем была речь? – спросила Эбби.

– Я сказал, чтобы он покупал учебники на свои средства.

– Нет, я про тот его последний звонок, вы все обсудили? Ты извинился? Объяснил ему?

Расспросил?

– По правде, до этого не дошло.

– Ред! – воскликнула Эбби. – Но это же классика! Стандартная реакция: подросток объявляет, что он гей, а его семья живет себе дальше как жила и притворяется, будто ничего не знает.

– Отлично, – буркнул Ред. – Сама позвони ему. Позвони на кампус, в общежитие.

Эбби колебалась:

– А что я скажу? Зачем я звоню?

– Скажи, что хочешь учинить допрос с пристрастием.

– Нет, лучше подожду, пока он позвонит, – решила Эбби.

Но когда это случилось – примерно через месяц; Эбби была дома и ответила, – то обсуждали они бронирование авиабилета на рождественские каникулы. Денни хотел поменять дату прилета, поскольку вначале собирался в Хиббинг к своей девушке. (К девушке!)

– А что мне оставалось? – сказала потом Эбби Реду. – Только соглашаться: да, да, отлично.

– Да, что тебе оставалось, – не стал спорить Ред.

Он больше к этой теме не возвращался, но Эбби, выражаясь фигурально, кипела на медленном огне до самого Рождества. Ей явно не терпелось устроить разбирательство. Дети обходили ее стороной. Они не знали о заявлении Денни – тут Ред и Эбби сошлись во мнении: нельзя ничего говорить, пока Денни не даст добро, – но чувствовали: что-то происходит.

Эбби (игнорируя мнение Реда) намеревалась, едва Денни появится, сесть с ним и хорошенько поговорить по душам. Но утром в тот день, когда его ждали, из Сент Эскил пришло письмо с напоминанием, что по условиям договора Уитшенки обязаны оплатить следующий семестр, несмотря на то что их сын покинул колледж.

– Покинул, – задумчиво проговорила Эбби.

Читали письмо они вдвоем, но конверт распечатала именно она. В ее тоне прозвучало сразу все, что для них с мужем означало это ужасное слово. Денни бросил учебу, его выгнали, он давно *покинул* свою семью. Кто еще из американских подростков живет так – бродяжничая по стране, не считаясь с родителями, сообщая о себе только изредка и не давая ни адреса, ни телефона, чтобы с ним не могли связаться? Как это получилось? Другим детям подобное не позволялось. Ред и Эбби обменялись долгими, отчаянными взглядами.

В итоге, понятное дело, все рождественские праздники они обсуждали уход Денни из колледжа. (Бесполезная трата денег, аргументировал он. И нет, он представления не имеет, чем хочет заниматься в жизни. Может, через годик-другой поймет.) Вопрос о его сексуальной ориентации на фоне прочих неприятностей отодвинулся на последний план.

– Теперь я понимаю, почему люди притворяются, будто ничего не слышали, – сказала Эбби уже после каникул.

– М-м-м, – с непроницаемым видом отозвался Ред.

* * *

Из всех четверых детей Денни был самым привлекательным. (Жаль, что хоть капелька этой красоты не досталась девочкам.) Уитшенковские прямые волосы, узкие пронзительно-голубые глаза, точеные черты. Кожа, правда, чуть темнее, не такая белоснежная, как у других в семье, зато телосложение намного лучше – остальные просто мешки с костями да шишками. И все же что-то в лице Денни – некая неровность, неправильность, асимметрия – мешало назвать его настоящим красавцем. Compliments его внешности делались всегда с запозданием, удивленно, так, будто люди поражались собственной редкой наблюдательности.

Он родился третьим. Аманде уже исполнилось девять, Джинни – пять. Старшие сестры – вероятно, для мальчика это тяжело? Унизительно? Угнетает? Девчонки бывали жутко самоуверенны, особенно командирша Аманда. Но от нее Денни, как правило, отмахивался, а с маленькой хулиганкой Джинни обращался почти нежно. Так что проблема не в них, нет. Но вот Стем! Он появился, когда Денни было четыре. Это действительно могло оказать влияние. Стем ведь хороший от природы. Встречаются порой такие дети – послушные, добрые, ласковые, причем сами по себе, ненатужно, без усилий.

Не то чтобы Денни был плохим. Ничего похожего. Часто он поступал куда благороднее, чем остальные трое вместе взятые, – например, когда у Джинни умерла любимая кошка, он обменял свой новый велосипед на котенка. Он не дрался, не задибался, не закатывал истерику. Но... до того скрытный! А иногда вдруг ужасно упрямый, необъяснимо, ни с того ни с сего. Напыжится весь, уйдет в себя, и никому с ним не сладить. Он как будто скандалил сам с собой, направлял злость внутрь себя и потому ожесточался, леденел. Ред в таких случаях возмущенно всплескивал руками и удалялся, но Эбби не могла бросить сына наедине с бедой. Она считала, что обязана вытащить его из этого состояния. Она хотела счастья всем своим близким!

Однажды в магазине – Денни в то время почему-то увлекся фанком¹ – по радио вдруг заиграли «Приятные вибрации»². Любимая песня Эбби, она всегда говорила, что выбирает ее для своих похорон. И Эбби затанцевала. Затапала, завиляла бедрами, приседала вокруг Денни, словно вокруг майского дерева, но он, безучастно глядя прямо перед собой и сунув в карманы кулаки, решительно зашагал к отделу супов, прочь от нее. «Я выглядела дура душой», – жаловалась она Реду уже дома, попытавшись перевести все в шутку. Сын даже не смотрел на нее. Как будто она городская сумасшедшая. И это в девять лет, когда мальчишки еще не стыдятся своих мам. Но Денни, похоже, стыдится ее с раннего детства. Он ведет себя так, словно ему досталась чужая мама, кричала Эбби, и к тому же бракованная, некондиционная!

Ну это ты глупости говоришь, укорил Ред.

И Эбби ответила: да, да, знаю. Я так не думаю, я другое хотела сказать.

Ей то и дело звонили учителя: «Не могли бы вы прийти поговорить о Денни? Как только сможете, пожалуйста». Жаловались на его невнимание, лень, нерадивость, но никогда – на отсутствие способностей. И даже перевели из третьего класса в пятый, полагая, что ему, возможно, просто неинтересно. Но это оказалось ошибкой. Денни стал и вовсе отщепенцем. Немногочисленные его друзья все были какие-то сомнительные: мальчишки из других школ,

¹ Фанк (*funk*) – одно из основополагающих течений афроамериканской музыки, появившееся в начале 60-х годов. – Здесь и далее примеч. перев.

² «Приятные вибрации» (*Good Vibrations*) – песня американской рок-группы *The Beach Boys*, вышедшая в 1966 году. По версии журнала *Rolling Stone* заняла шестое место в списке 500 величайших песен всех времен.

мальчишки, от чьих редких появлений в доме неизменно становилось неловко. Они что-то мычали, прятали глаза, загребали ногами.

Иногда, конечно, случалось, что забрезжит надежда. Денни выиграл приз на конкурсе изобретателей: разработал специальную упаковку для яйца, в которой оно не разбивается, как ни швыряй, но больше в конкурсах не участвовал. Потом, как-то летом, он решил освоить игру на валторне, чему немного учился раньше, в начальных классах, и взялся за дело с превеликим усердием, какого никто не ожидал. Несколько недель из-под закрытой двери его комнаты час за часом ползли блеющие, вымученные, тоскливые звуки – концерт № 1 для валторны с оркестром Моцарта, – ползли, спотыкаясь, но упорно, и Ред уже начал шепотом чертыхаться, а Эбби гладила его по руке и говорила:

– Перестань, могло быть гораздо хуже. «Баттхоул Серферз»³, например.

Эту группу тогда обожала Джинни.

– По-моему, замечательно, что он нашел себе занятие, – твердила она и, когда Денни останавливался в местах, где звучит оркестр, Эбби – тра-ля-ля! – пела, заполняя паузы.

Вся семья выучила произведение наизусть: если Денни не играл его сам, оно непременно грохотало из магнитофона. Но, едва научившись исполнять первую часть без запинок и возвратов к началу, он внезапно все бросил. Заявил, что валторна – это отстой. Казалось, «отстой» – его любимое слово. В футбольном лагере тоже был отстой, и он уехал оттуда через три дня. То же самое – теннис, плавание.

– Может, нам надо как-то поспокойнее, – сказал Ред. – Не сходить с ума от радости при каждом новом увлечении.

Но Эбби воскликнула:

– Мы же родители! Родители *обязаны* радоваться за детей.

Денни ревностно, словно государственный секрет, охранял собственную личную жизнь, зато постоянно лез в чужие дела. От него ничто не могло укрыться. Он читал дневники сестры и дела клиентов матери. В ящиках его стола с виду царил порядок, но только с виду. В глубине таилось черт знает что.

Потом он стал подростком, и началось: выпивка, курево, прогулы, травка, если не хуже. К дому периодически подъезжали раздолбанные машины, и невесть кто сигналил и орал оттуда: «Эй, гондон!» Дважды Денни угодил в полицию (езда без прав; фальшивое удостоверение личности). Одевался он неряшливо, но это не был обычный тинейджерский гранж. Нет, куда хлеще: стариковские пальто с блошиных рынков, мешковатые заскорюзлые твидовые штаны, кеды, скрепленные изолентой. Он не мыл голову, сальные волосы висели веревками, и пахло от него как от целого шкафа нестираной одежды. Бродяга, одним словом. Ирония судьбы, говорила Эбби Реду. Чтобы такой ребенок родился в семье Уитшенк – семье всем на зависть! Мы же настоящий клан, единый, дружный... да попросту *уникальный*. А Денни отирается у нас по углам приемышем.

Тогда уже оба сына работали на полставки в «Уитшенк Констракшн». Денни прекрасно во всем разбирался, но с клиентами вести себя не умел. Как-то раз одной женщине на кокетливое «Боюсь, я вам разонравлюсь, если признаюсь, что передумала насчет цвета» он ответил: «А с чего вы взяли, что вообще мне нравились?» Зато Стем был и услужлив с клиентами, и крайне усерден: оставался допоздна, проявлял заинтересованность, выпрашивал новые поручения. Что-нибудь с деревом, умолял он. Ему нравилось обрабатывать древесину.

Денни взял манеру разговаривать с надменной, усмешливой снисходительностью. «Держи, мой мальчик», – ронял он, когда Стем просил спортивный раздел газеты, или: «Как

³ *Butthole Surfers* — американская рок-группа, образована в 1981 году. Прославилась экстравагантными концертными шоу с участием обнаженных девушек, танцевавших на фоне демонстрировавшихся на экране учебных фильмов для студентов-медиков, которые вызывали у зрителей рвотные позывы.

скажете, Эбигейл». На знаменитых «сиротских обедах» Эбби, где собирались всякие маргиналы, одиночки, неудачники, куртуазное поведение Денни сначала всех очаровывало, но потом становилось оскорбительным.

– Пожалуйста, я настаиваю, – сказал он как-то миссис Меллон. – Возьмите мой стул, он выдержит ваш вес.

Миссис Меллон, стильная разведенка, безмерно гордившаяся своей необычайной худобой, вскричала:

– А! Но...

Однако Денни перебил:

– *Ваш* стул, пожалуй, для вас хрупок.

Родителям, дабы не усугубить ситуацию, только и осталось, что промолчать. Или вот еще случай, с Би Джей Отри, неопрятной блондинкой, чей хриплый смех напоминал воронье карканье, от которого окружающих просто передергивало. Денни все пасхальное воскресенье напролет жеманно восхищался: ах, колокольчик! Но Би Джей, дама не промах, в конце концов рыкнула:

– Отвяжись, малютка.

Ред потом устроил Денни взбучку.

– В нашем доме, – назидательно произнес он, – гостей обижать не принято. Ты должен извиниться перед Би Джей.

Денни ответил:

– Конечно. Я виноват. Не сразу допер, что она вся из себя нежная фиалка.

– Все мы нежные, сынок, если хорошенько допечь.

– Правда? Я – нет, – бросил Денни.

Они, конечно, подумывали о психотерапии. По крайней мере, Эбби подумывала. Причем давно, но теперь стала настойчивей. Денни отказывался наотрез. Но однажды, уже в выпускном классе, Эбби попросила его помочь свозить собаку к ветеринару – иначе как вдвоем это было не сделать. Кларенса затолкали в машину, Денни плюхнулся на переднее сиденье, скрестил на груди руки. Они поехали. Клэрэнс сзади скулил, метался, царапал когтями виниловую обивку. Кабинет ветеринара приближался; скулеж усилился, превратился в стоны. Эбби проехала кабинет и направилась дальше. Стоны ослабели, в них зазвучало недоумение, потом пестих. Эбби подъехала к низкому оштукатуренному зданию, припарковалась, заглушила двигатель. Вышла из автомобиля, обогнула его, открыла пассажирскую дверь, приказала:

– Выходи.

Денни пару секунд сидел неподвижно, затем повиновался, но вылезал медленно и неохотно, словно бы *вытекал* наружу. Две ступеньки – и они поднялись на крыльцо. Эбби нажала на звонок рядом с табличкой «Ричард Хэнкок, доктор медицины».

– Я заберу тебя через пятьдесят минут.

Сын посмотрел равнодушно. Прожужжал домофон, Денни открыл дверь, Эбби вернулась в машину.

Ред не поверил своим ушам.

– Прямо вот так взял и вошел? – изумился он. – взял и согласился?

– Естественно, – отозвалась Эбби бодро, но глаза ее тут же наполнились слезами. – Ой, Ред! Только представь, до чего нашему мальчику плохо, раз он даже не протестовал?

Месяца два или три Денни еженедельно посещал доктора Хэнкока, которого называл Хэнки⁴ («Я не могу мыть подвал, сегодня же чертов Хэнки»). Денни никогда не рассказывал, о чем они беседуют, как, впрочем, и сам психотерапевт. Эбби однажды позвонила ему спросить, не пойдет ли на пользу семейный сеанс; сомневаюсь – отвечивал доктор Хэнкок.

⁴ От английского разговорного *hankie* – носовой платок.

Это было в 1990-м, в конце года. А в начале 1991-го Денни сбежал с невестой.

Девушку звали Эми Лин. Дочь двух ортопедов-китайцев, худая как рыба кость, в готских нарядах, волосы будто две занавески, беременна на шестой неделе. Уитшенки знать ни о чем не знали. Понятия не имели ни о какой Эми Лин. Впервые услышали, когда отец Эми позвонил и спросил, не знают ли они, где она.

– Кто-кто? – переспросила Эбби. Подумала, что ошиблись номером.

– Эми Лин, моя дочь. Она сбежала с вашим сыном. Если верить записке, они намерены пожениться.

– *Пожениться?* Ему же всего шестнадцать!

– Да, и Эми тоже, – ответил доктор Лин. – Только позавчера исполнилось. Но она, похоже, считает, что по закону замужество с шестнадцати разрешено.

– Ну разве что где-нибудь в Мозамбике, – пробормотала Эбби.

– А вы не могли бы проверить, нет ли в комнате Денни записки? Пожалуйста, будьте добры. Я подожду.

– Хорошо, – согласилась Эбби. – Но, по-моему, вы все-таки ошибаетесь.

Она положила трубку на столик, позвала Джинни – признанного эксперта по Денни – и привлекла ее к поискам. Джинни к словам доктора тоже отнеслась скептически.

– Денни? Женится? – говорила она, поднимаясь с матерью по лестнице. – У него и девушки-то нет.

– Этот тип точно из ума выжил, – заявила Эбби. – И главное, весь такой начальственный! Я, говорит, доктор Лин. Заметно, что привык распоряжаться людьми.

Конечно, они не нашли ни записки, ни других улик – любовного письма, скажем, или фотографии. Джинни проверила еще и жестяную коробочку в шкафу, о существовании которой Эбби не подозревала, но там оказались лишь пачка «Мальборо» и спичечная книжечка.

– Вот видишь, – восторжествовала Эбби.

Но Джинни смотрела задумчиво и, уже спускаясь по лестнице, изрекла:

– Все так, но когда это Денни вообще оставлял записки?

– Доктор Лин что-то напутал, – твердо сказала Эбби, подняла трубку и повторила: – Вы что-то напутали, доктор Лин.

Таким образом, хлопоты по розыску влюбленной пары легли на плечи семьи Лин – уже после того, как дочь позвонила им за их счет и сообщила, что с ней все в порядке, хотя она чуточку скучает по дому. Им с Денни не удалось получить лицензию на брак, и они отсиживались в мотеле под Элктоном в штате Мэриленд. Их не было уже три дня, и Уитшенки вынужденно признали, что доктор Лин из ума не выживал, но по-прежнему не могли поверить, что их Денни оказался способен на такой поступок.

Супруги Лин отправились в Элктон, забрали Эми и Денни и вернулись напрямик к Уитшенкам на совет двух семей. Ред с Эбби в первый и последний раз увидели Эми и поразились ее некрасивости: землистая кожа, нездоровый вид и какая-то общая вялость. К тому же, позднее призналась Эбби, ее неприятно потрясло, что мама и папа Лин настолько хорошо знают Денни. Папа, маленький человечек в бирюзовом спортивном костюме, разговаривал с ним дружески и даже благожелательно, а мама утешительно погладила по руке, когда он согласился с тем, что аборт, вероятно, оптимальный выход из положения.

– Значит, Денни бывал у них много раз, – сделала вывод Эбби, – а мы с тобой об Эми слыхом не слыхивали.

– С дочерьми совсем другое дело, – ответил Ред. – Ведь и нас Мэнди и Джинни знакомят со своими ухажерами, но я не уверен, что их родители хоть раз видели наших девочек.

– Нет, я не про то. Кажется, что он не просто с ними знаком, а *входит в семью*, – пояснила Эбби.

– Ерунда, – отмахнулся Ред.

Но Эбби это, похоже, не успокоило.

Лины ушли. Ред и Эбби попробовали обсудить с Денни его побег, но он сказал только, что мечтал ухаживать за малышом. А услышав, что слишком юн для таких забот, замкнулся в себе. Но потом, в ответ на неуклюжий вопрос Стема: «Так вы с Эми теперь что... типа, тили-тили-тесто? Жених и невеста?» – ответил:

– А? Я не знаю.

Уитшенки больше не встречались с Эми, и Денни, насколько можно было понять, тоже. К концу следующей недели его благополучно пристроили в интернат для трудных подростков в Пенсильвании – стараниями доктора Хэнкока, который все и организовал. Денни окончил там два последних класса и поскольку склонности к строительству, по его словам, не имел, то и первое и второе лето обслуживал столики в Оушен-Сити. Домой приезжал лишь по великим случаям: на похороны бабушки Далтон и на свадьбу Джинни. Объявится на денек – и нет его.

Это неправильно, говорила Эбби. Ему бы побыть подольше. Дети не должны покидать дом раньше восемнадцати лет. (Девочки не уезжали даже в колледж.)

– Его у нас словно украли, – пожаловалась она Реду. – Забрали раньше срока.

– Ты так говоришь, как будто он умер, – укорил Ред.

– По моим ощущениям, так и есть, – горько обронила Эбби.

И действительно, даже находясь дома, Денни казался незнакомцем. Он и пах по-другому, уже не затхлым шкафом, а чем-то почти химическим, как новый ковер. И носил греческую бескозырку, которая у Эбби, чья молодость пришлось на шестидесятые, прочно ассоциировалась с молодым Бобом Диланом. С родителями Денни был вежлив, но холоден. Обижался, что они отослали его из дома? Но ведь он не оставил им выбора. Нет, наверное, причина крылась глубже, в самом раннем детстве.

– Вероятно, дело в том, что я плохо его защищала, – предположила Эбби.

– Защищала от чего? – удивился Ред.

– Ну... неважно...

– Не от *меня*, надеюсь?

– Твои слова.

– Нет уж, Эбби, меня не приплетай.

– Не буду.

В такие моменты они друг друга ненавидели.

* * *

Затем Денни поступил в колледж Сент Эскил – воистину чудо, учитывая его сомнительное прошлое и тройки с минусом. Правда, и это мало что изменило. Для Уитшенков Денни оставался загадкой.

Даже пресловутый звонок ни на что не повлиял – они ведь ничегошеньки не обсудили. Не сели, не спросили: «Так ты гей или не гей? Объясни *толком*, больше мы ни о чем не просим».

Но события нарастали как снежный ком. Денни не сиделось на месте. После Рождества он по обратному билету вернулся в Миннесоту – надо полагать, к своей девушке. Пару месяцев проработал в магазине сантехники – если судить по тому, что прислал Джинни на день рождения бейсболку с надписью «Трубы и фурнитура Томпсона». Но в следующий раз весточка от него пришла уже из штата Мэн: Денни устроился чинить какую-то лодку; его уволили; он хотел вернуться в колледж, но, видно, не получилось.

По телефону он разговаривал особенно – до того жарко и живо, что родители почти верили: сыну *хочется* с ними общаться. Неделями он звонил каждое воскресенье, пока наконец Ред и Эбби не начинали ждать звонка, *рассчитывать* на него, но тут-то как раз Денни и пропал на долгие месяцы, и связаться с ним не представлялось возможным. Какая-то анома-

лия: чтобы у такого мобильного человека не было мобильного телефона. Эбби к тому времени уже подписалась на услугу по определению номера, но что толку? На дисплее высвечивалось ВНЕ ЗОНЫ или АБОНЕНТ НЕИЗВЕСТЕН. Для Денни следовало бы завести специальную надпись: ПОЙМАЙ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ.

Он жил в Вермонте, но вскоре прислал открытку из Денвера. Потом стал компаньоном человека, разработавшего многообещающую компьютерную программу, однако их сотрудничество долго не продлилось. В любой работе Денни разочаровывался – как и в деловых партнерах, девушках и целых географических регионах.

В 1997 году он пригласил семью на свою свадьбу в нью-йоркский ресторан, где его будущая жена работала официанткой, а он – шеф-поваром. Кем-кем? Это еще что за новости? Дома он только и умел, что разогреть консервированный чили «Хормель». На свадьбу, разумеется, поехали все – Ред, Эбби, Стем, девочки с мужьями. Целая толпа, намного больше, чем остальных гостей. Но их же позвали! Денни сказал, что надеется увидеть всех. Причем таким тоном, что ясно было: ему это жизненно необходимо. И они взяли напрокат минивэн, табором двинулись на север и заполнили собой крошечный ресторан, скорее, даже бар – захудалое местечко: шесть высоких табуретов у деревянной стойки и четыре круглых столика. В число приглашенных входили вторая официантка, владелец заведения и мать невесты. Сама невеста, Карла, была туго затянута в платье для беременных на тонких бретельках, едва прикрывавшее нижнее белье. Выглядела она явно старше Денни, двадцатидвухлетнего, слишком еще молодого, чтобы жениться. Ее жесткие крашенные волосы лежали на голове темно-коричневым шматком, напоминающим мертвое животное, глаза, голубые стеклянные бусины, смотрели сурово. Она казалась старше даже собственной матери, пухлой веселой блондинки в сарафане. Но Уитшенки старались держаться на высоте. Перед церемонией они светски общались с гостями, спрашивали у Карлы, где они с Денни познакомились, а у второй официантки – она ли будет подружкой невесты. Карла и Денни познакомились на работе. Подружки у невесты не предполагалось.

Денни вел себя вполне приемлемо – для Денни. На нем был приличный темный костюм и красный галстук, и он очень сердечно беседовал со всеми, переходя от одного человека к другому, но временами возвращался к Карле и стоял рядом, собственнически положив ладонь ей на поясницу. Карла держалась мило, но рассеянно, словно пыталась вспомнить, выключила дома конфорку или нет. У нее был нью-йоркский акцент.

Эбби поставила себе задачей лучше узнать мать невесты и, когда пришло время садиться за стол, присоседилась к ней, и они начали разговаривать, тихо, почти соприкасаясь головами, то и дело поглядывая на молодых. Остальные Уитшенки надеялись, что после, в своем кругу, узнают подоплеку этой странной истории. Ибо, в конце концов, что такое здесь происходит? Это брак по любви? Честно? И когда же должен родиться ребенок?

Роль священника, если можно так выразиться, исполнял курьер на велосипеде, получивший лицензию от Универсальной церкви жизни⁵. Карла не раз отметила, что он сегодня «весь при параде», – но коли так, думали Уитшенки, страшно представить, каков он обыкновенно. Сейчас он красовался в черной кожаной куртке – на дворе август! – и в сапогах с цепями до того тяжелыми, что они не позвякивали, а лязгали при ходьбе. И еще удивляла его черная козлиная борода. Впрочем, к своим обязанностям курьер отнесся серьезно: по очереди спросил жениха и невесту, обещают ли они любить друг друга и заботиться друг о друге, и, когда те ответили: «Обещаю», положил руки им на плечи и почти пропел: «Идите с миром, дети мои». Вторая официантка слабо и неуверенно выкрикнула: «Ура», Денни с Карлой поцеловались – долго и страстно, с облегчением увидели Уитшенки, – а владелец заведения вынес несколько

⁵ Универсальная церковь жизни (*Universal Life Church*) – новое религиозное движение, основанное в США, отличительной чертой которого является предоставление любому желающему священного сана. Такой подход основан на убеждении, что все люди изначально имеют посвящение от Бога, церковь просто признает этот факт.

бутылок игристого вина. Уитшенки потолкались там недолгое время, но вскоре почувствовали себя не у дел (Денни слишком увлекся другими гостями) и решили удалиться.

По дороге к минивэну всем стало интересно, что Эбби удалось разведать у матери Карлы.
– Да ничего особенного, – вздохнула Эбби.

Мать Карлы работает продавщицей в косметическом отделе. Отец «давно смылся». Карла уже была замужем, но «буквально полминуты». Эбби призналась, что долго ждала хоть какого-то упоминания о беременности, но не дождалась, а сама спрашивать не хотела. Лина – так звали мать – очень сетовала на внезапность свадьбы. Если б предупредили заранее, она бы успела подготовить подарок, а ее известили всего неделю назад. Эбби сразу полегчало: Уитшенкам сообщили примерно тогда же. Она-то переживала, что их одних специально держали в неведении. Но дальше Лину словно прорвало: Денни то, Денни се. Денни купил костюм в секонд-хенде, Денни одолжил галстук у начальника, Денни нашел им с Карлой симпатичную однокомнатную квартирку над корейским музыкальным магазином. В общем, Лина хорошо его знала. Уж точно лучше, чем Уитшенки знали Карлу. Ну почему, почему он всегда с такой готовностью меняет свою семью на чужую?

Домой Эбби возвращалась в унынии.

Почти три месяца после свадьбы от молодоженов не было ни слова, а затем Денни позвонил ночью и сообщил, что Карла родила. Судя по голосу, он ликовал.

– Девочка! Семь фунтов, мы назвали ее Сьюзен.

– Когда мы ее увидим? – спросила Эбби.

И он ответил:

– Чуть погодя.

В сущности, объяснимо. Но только когда слышишь это от Денни, поневоле задумаешься, сколько именно «погодя». Ведь первая внучка! Эбби заявила Реду, что не вынесет, если ей не позволят участвовать в ее воспитании.

Однако, сюрприз-сюрприз, утром в День благодарения – праздник, которого Денни обычно избегал из-за переизбытка в доме «сирот», – он позвонил с известием, что они со Сьюзен садятся в поезд на Балтимор, и спросил, нельзя ли их встретить. И появился с дочкой в холщовом кенгурятнике, личико прижато к его груди. Малышка трех недель от роду! Даже меньше. Малюсенькая и ни на кого еще не похожая, разве что на сморщенный арахис. Семейство тем не менее не могло от нее отлипнуть. Все сошлись во мнении, что клочковатые черные волосики поистине уитшенковские, пытались разжать крохотный кулачок и посмотреть, длинные ли у нее пальцы. Потом, изнывая, ждали, когда девочка откроет глазки, чтобы узнать, какого они цвета. Эбби даже вытащила Сьюзен из кенгурятника, но та продолжала спать.

– Денни, а как получилось, – спросила Эбби, пристраивая малышку у себя на плече, – что ты приехал один?

– Я не один. Я со Сьюзен, – ответил он.

Эбби закатила глаза, и он снизошел до объяснения:

– Мать Карлы сломала запястье, и Карле пришлось везти ее в больницу.

– Ой, какая неприятность, – сказала Эбби, и остальные забормотали что-то сочувствующее. По крайней мере, Карла никуда не «смылась». – Тогда как же? Она что, сцедилась?

– Сцедилась?

– Она достаточно сцедила молока?

– Нет, мам, я привез смесь. – Он похлопал по розовой виниловой сумке под мышкой.

– Смесь, – повторила Эбби. – Но ведь тогда у нее убавится.

– Что убавится?

– Свое молоко. Если кормить ребенка смесью, молоко у матери пропадает.

– Но мы с самого начала кормим Сьюзен из бутылочки.

Эбби много читала о том, как быть хорошей бабушкой. Главное правило – ни во что не вмешиваться. Не критиковать, не давать советов. Поэтому она лишь произнесла:

– Ясно.

– А как ты хотела? – взвился Денни. – Карла целый день на работе. Не все могут себе позволить расслаживаться дома и развлекаться грудным кормлением.

– Я же молчу.

Раньше бывало, что визиты Денни ровно столько и длились: задашь лишний вопрос – и поминай как звали. Эбби, вероятно, вспомнила об этом, поскольку крепче прижала к себе ребенка.

– Ну неважно, – проговорила она. – Хорошо, что ты приехал.

– Хорошо, что я приехал, – эхом отозвался Денни, и все выдохнули с облегчением.

Видно, по дороге домой он что-то для себя решил. С ним стало очень легко, и он не придирался даже к сиротам. Когда Би Джей Отри в очередной раз раскаркалась вороной и разбудила ребенка, сказал только:

– Что же, люди, теперь можно разглядеть глазки Сьюзен.

Он и с глуховатым мистером Дейлом был крайне предупредителен, повторял все по нескольку раз без малейшего раздражения.

Аманда, беременная на седьмом месяце, приставала к нему с расспросами, как заботиться о младенцах, и он обстоятельно отвечал. (Колыбелька не нужна, сойдет и ящик комода; прогулочная коляска – тоже лишнее; высокий стульчик? Зачем?) Потом Денни вежливо побеседовал о делах «Уитшенк Констракшн» не только с отцом, но и с Джинни, которая теперь работала там плотником, и даже со Стемом. Спокойно кивая, выслушал его поминутный отчет о мелком недоразумении с заказчиком: «Представляешь, он требовал шкафы от пола до потолка, ну мы и выдрали перегородки, и тут-то он говорит: “Нет, постойте!”»

Эбби покормила девочку, подождала, пока та отрыгнет, сменила миниатюрный одноразовый подгузник, но воздержалась от замечания о запахе. У Сьюзен оказался пухлый подбородок, красиво вылепленные губы и серьезные синевато-серые глаза. Эбби передала внучку Реду, и он вначале картинно изобразил ужас и полнейшую беспомощность, но немного погодя все заметили, что он прижимается носом к ее пушистой голове и глубоко вдыхает детский запах.

Денни объявил, что не останется ночевать, но они нисколько не обиделись. Эбби упаковала остатки индейки для Карлы и ее матери, и Ред отвез Денни с ребенком на станцию.

– Ты уж не пропадай, – попросил Ред, когда сын вышел из машины, и услышал в ответ:

– Не пропаду, скоро увидимся.

Что он и раньше говорил много раз, но это никогда ничего не значило. Сейчас, однако, все изменилось. Может, подействовало отцовство. Может, он начал понимать, насколько важна семья. Так или иначе, он приехал на Рождество – на один день, но все-таки! – и привез с собой не только Сьюзен, но и Карлу. Малышке исполнилось семь недель, и она сильно продвинулась в развитии – реагировала на окружающее, смотрела на того, кто с ней говорил, и кривовато улыбалась, обнаруживая на правой щеке ямочку. Карла вела себя вполне дружелюбно, но понаравиться особо не старалась. Она была в джинсах и толстовке, и Эбби (которая как раз старалась, причем вовсю) решила не переодеваться к ужину, а осталась в джинсовой юбке. Предложила: – Карла, налить тебе вина? Хорошо, что ты не кормишь. Можешь пить что вздумается.

Ее дочери посмотрели друг на друга, округлив глаза: мама, как всегда, переигрывает! Но и сами из кожи вон лезли, лишь бы подольститься к Карле. Осыпали комплиментами буквально по любому поводу и даже похвалили татуировку на сгибе левой руки – имя ее собаки.

Позже семья признала, что визит прошел удачно. Денни, видимо, считал так же, поскольку привозил Сьюзен почти каждый месяц. (Без Карлы; он приезжал, когда та работала, подавала гамбургеры в закускойной. Они оба ушли из ресторана, но Денни больше повезло с графиком.) Сьюзен научилась сидеть, есть твердую пищу, ползать. Денни иногда оставался на

ночь. Спал у себя в комнате, а переносную колыбельку, которую Эбби сохранила от собственных детей, ставил возле кровати. Тогда уже у Аманды родилась Элиза, и Уитшенкам нравилось представлять, как две девочки вырастут вместе и станут лучшими подругами на всю жизнь.

Но потом Денни обиделся на отца. Стояло лето, и они обсуждали предстоящую поездку на море. Денни сказал, что он со Сьюзен может поехать, но Карле надо работать. Ред спросил:

– А тебе почему не надо работать?

– Не надо, и все.

– А Карле, значит, надо?

– Да.

– Нет, я ничего не понимаю. Карла ведь мать, так?

– И что?

При этом присутствовали Эбби и Джинни, и обе сразу напряглись. И одинаково посмотрели на Реда: осторожно! Ред, видимо, не заметил и осведомился:

– У тебя вообще *есть* работа?

– А тебя это что, касается?

Ред умолк, хотя ему явно стоило труда сдержаться. Казалось, инцидент исчерпан. Но когда Эбби попросила помочь достать колыбельку, Денни сказал, что не нужно, он не собирается ночевать. Разговаривал он, впрочем, любезно и уехал, не устраивая сцен.

Прошло три года, прежде чем он объявился вновь.

Первые несколько месяцев они ничего не предпринимали. Вот как боялись его тревожить, вот как он запугал их своими молчанками! Но на день рождения Сьюзен Эбби все-таки позвонила ему по номеру, который записала, когда тот впервые высветился на определителе. (Родители людей вроде Денни быстро становятся детективами.) Ред с незаинтересованным видом слонялся вокруг. Однако Эбби ответил механический голос, сообщивший, что данный номер не обслуживается.

– Видимо, переехали, – решила она. – Но это, наверное, *хорошо*, как думаешь? Значит, нашли квартиру побольше, с отдельной комнатой для Сьюзен.

Увы, ей ничего не удалось узнать в справочной о новом местожительстве Денниса Уитшенка.

– А Карла Уитшенк? – спросила Эбби, нервно глянув на Реда, – ведь, в конце концов, вовсе не исключалось, что Денни и Карла разошлись. Потом повесила трубку и проговорила: – Придется ждать, пока он сам позвонит.

Ред кивнул и побрел в другую комнату.

Прошли месяцы. Годы. Сьюзен, очевидно, выучилась ходить и заговорила. Волшебный период, когда дети стремительно, по экспоненте, овладевают родным языком, впитывают его как губка, – Уитшенки его весь пропустили. Конечно, у них были еще две внучки – Джинни родила Деб вслед за последним визитом Денни, – но от этого казалось только тяжелее смотреть, как развиваются эти девочки, и не видеть, как растет Сьюзен.

Затем случилось 11 сентября, и Эбби обезумела от беспокойства. То есть, конечно, вся семья переживала. Но что Денни делать в Международном торговом центре? Нечего, говорили они себе, поэтому с ним все в порядке. Да-да, соглашалась Эбби без всякого убеждения. Два дня она без конца смотрела телевизор, даже когда остальных начало уже воротить от вида вновь и вновь падающих башен, и одну за другой выдумывала причины, по которым Денни мог оказаться на месте катастрофы. С ним разве угадаешь, столько работ поменял. Или вдруг мимо проходил. Эбби поверила, что чувствует: ее мальчик в беде. Что-то не так, объявила она. Надо звонить Лине.

– Кому? – не понял Ред.

– Матери Карлы. Как ее фамилия?

– Не знаю.

– *Наверняка* знаешь, – настаивала Эбби. – Вспоминай.

– Милая, нам не называли ее фамилии.

Эбби принялась расхаживать. Супруги находились в спальне, и она, по обыкновению, протаптывала персидскую дорожку, слегка путаясь в ночной рубашке.

– Лина Аббот, Адамс, Армстронг, – бормотала. – Лина Бепкок, Беннетт, Браун. (Алфавит иногда ей помогал.) Нас точно представляли друг другу, – вспомнила она. – Денни представлял. Он должен был назвать фамилию.

– Насколько я знаю Денни, вряд ли, – ответил Ред. – Вообще сомневаюсь, что он нас знакомил. Но если и так, то, скорее всего, просто сказал: «Лина, вот мои предки».

Да, трудно поспорить. Эбби опять зашагала.

Потом выдала:

– Официантка. Вторая.

– Вот уж представления не имею, как ее звали.

– Я тоже, но помню, что она обратилась к Лине «миссис как-то там». Я еще подумала, что бедняжка, видно, очень застенчива, раз не в состоянии назвать Лину по имени. Это в наши-то дни.

Она остановилась, затем направилась к своей стороне кровати.

– Ладно, само вернется, – Эбби гордилась собственной феноменальной памятью, но та иногда функционировала с задержкой. – Всплывет, если не напрягаться.

Она легла, разгладила одеяло и демонстративно закрыла глаза, поэтому Ред тоже лег и выключил лампу.

Среди ночи она толкнула его в плечо и провозгласила:

– Карлуччи.

– А?

– Я прямо слышу, как официантка говорит: «Миссис Карлуччи, налить вам еще?» Как я могла забыть! Карла Карлуччи: аллитерация. Даже не просто аллитерация, а что-то еще шибче, только не знаю, как называется. Вот взяла и вспомнила, когда встала в туалет.

– Угу. Хорошо, – Ред лег на спину.

– Я позвоню в справочную.

– Сейчас? – Он, сощурившись, всмотрелся в радио с часами. – Половина третьего! Нельзя ее тревожить.

– Нет, но можно пока узнать номер, – объяснила Эбби.

Ред снова заснул.

Утром жена сообщила ему, что на Манхэттене живут трое Л. Карлуччи и она всех намерена обзвонить. Начать решила в семь. Было шесть с хвостиком, Уитшенки просыпались рано.

– Некоторые в семь еще дрыхнут, – заметил Ред.

– Может быть, – ответила Эбби. – Но фактически уже утро.

– Тогда давай.

Ред отправился вниз и сварил кофе, хотя обычно в это время уезжал на работу и по дороге заскакивал в «Данкин Донате».

Без пяти семь Эбби набрала первый номер.

– Доброе утро, могу я поговорить с Линой? – А затем: – Ой, простите, я, видимо, ошиблась.

Позвонила по второму номеру.

– Алло, Лина? – Кратчайшая пауза. – Да, простите, я *знаю*, что еще очень рано, но...

Эбби поморщилась. И набрала следующий номер.

– Алло, Лина? – Она села прямее. – Здравствуйте, это Эбби Уитшенк из Балтимора, надеюсь, не разбудила. – Выслушала ответ и продолжила: – Да-да, хорошо вас понимаю. Часто говорю Реду: «Прямо не знаю, зачем вообще ложусь, если все равно не сплю». Возраст, видимо,

как считаете? Или стресс из-за нашей безумной жизни? Кстати говоря, Лина, хотела спросить: Карла, Денни и Сьюзен в порядке? Я имею в виду, после прошлого вторника.

Это еще называлось «прошлым вторником». Лишь со следующей недели начнут говорить «одиннадцатое сентября».

– Ах, вот как, – выслушав, промолвила Эбби. – Понятно. Ну, это уже кое-что! Успокаивает. Да, конечно, я понимаю, что вы не... Что же, спасибо большое, Лина, и пожалуйста, поцелуйте от меня Карлу и Сьюзен. Хмм? Да, у нас у всех все хорошо, спасибо. В общем, благодарю вас! До свидания!

Она повесила трубку и доложила:

– У Карлы и Сьюзен все нормально. И у Денни, как она *думает*, тоже. Но точно не знает, потому что он переехал в Нью-Джерси.

– В Нью-Джерси? Куда в Нью-Джерси?

– Она не в курсе. И у нее нет его телефона.

Ред сказал:

– У Карлы должен быть. Ведь у них же Сьюзен. Что ж ты не попросила номер Карлы?

– А смысл? – бросила Эбби. – Теперь понятно, что у башен его не было. Разве этого не достаточно? И я, если честно, об заклад готова биться, что и Карла понятия не имеет, как с ним связаться.

Она начала загружать посудомоечную машину, а Ред стоял и смотрел на нее разинув рот.

Итак, Нью-Джерси. И очередные разорванные отношения. С *двумя* людьми – если Денни перестанет заниматься Сьюзен. Ред считал, что, разумеется, не перестанет, они своими глазами видели, какой он заботливый отец. Эбби возражала: это ничего не значит. Возможно, Сьюзен – лишь очередное недолгое увлечение, вроде того недоношенного компьютерного проекта.

Казалось, она сама не своя. Эбби всегда свято верила в то, что люди способны меняться к лучшему, чем временами просто бесила родных. Но сейчас она словно махнула на Денни рукой. Передавая новость о нем Аманде и Джинни, она говорила в трубку бесцветным и равнодушным голосом и попросила Реда самого сказать Стему, когда тот вернется с работы.

– Сразу же, – с фальшивой бодростью пообещал Ред. – Он наконец успокоится.

– Не знаю, что было волноваться, – буркнула Эбби. – По-настоящему опасность Денни не грозила.

На следующее утро, в субботу, к ним неожиданно заехала Аманда. Она стала адвокатом; их самый практичный, деловой, боевой ребенок.

– Где телефон этой самой Лины? – осведомилась она.

Эбби сняла листочек с дверцы холодильника и протянула дочери. Аманда села за кухонный стол, взяла трубку и набрала номер.

– Алло, Лина? Это Аманда, сестра Денни. Не могли бы вы дать мне телефон Карлы, пожалуйста? – На том конце провода, видимо, запротестовали, потому что Аманда сказала: – Поверьте, я не собираюсь ее огорчать. Мне просто нужно найти моего негодяя братца.

И это, похоже, подействовало; Аманда свободной рукой выудила из сумочки блокнотик с прикрепленной к нему крошечной золотой ручкой.

– Да, – она записала номер. – Спасибо большое. До свидания.

И принялась звонить Карле.

– Занято, – сообщила она родителям.

Эбби застонала, но Аманда успокоила:

– *Понятно*, что занято: мать звонит ее предупредить.

Она побарабанила пальцами по столу и еще раз набрала номер.

– Привет, Карла. Это Аманда. Как дела?

Ответ, хоть и короткий, явно не отличался любезностью.

– Отлично, – несколько раздраженно бросила Аманда. – Так как мне позвонить брату? Хочу высказать ему все, что о нем думаю.

Пока она записывала, Ред и Эбби, подавшись вперед и затаив дыхание, неотрывно смотрели на блокнот.

– Спасибо. Пока, – Аманда повесила трубку.

Эбби уже тянулась к блокноту, но Аманда отобрала его:

– Я позвоню, – и в очередной раз набрала номер. – Денни, – размеренным тоном произнесла она, – это Аманда.

Родители не слышали, что он говорит.

– Когда-нибудь, – продолжала Аманда, – когда тебе будет уже за сорок, ты вдруг задумаешься о своей жизни, и тебе станет интересно: а что же там происходит с моей семьей? Ты прыгнешь в поезд, приедешь в Балтимор, выйдешь на Пенн-стейшн. Будет, знаешь, такой тихий-тихий летний вечер, когда на вокзале солнце косо падает через стеклянную крышу и в лучах хорошо видны пылинки. Ты пройдешь здание насквозь и очутишься на улице. Тебя никто не ждет, но это ничего, никто же не знал, что ты появишься. И все-таки тебе будет странно стоять там одному, когда другие пассажиры обнимают тех, кто их встретил, рассаживаются по машинам и уезжают. Ты подойдешь к остановке такси, дашь водителю адрес. Поедешь по городу. Кругом знакомые места – дома с террасами, брэдфордские грушевые деревья, на крылечках женщины, которые следят за играющими детьми. Такси свернет на Боутон-роуд, и тебя охватит невероятно странное чувство. Что это с нашим домом? Повсюду признаки запустения. Разве у папы такое возможно – облупившаяся краска, жалюзи с выпавшими планками? Дорожка залатана цементом другого цвета, на ступеньках крыльца резиновое покрытие – такая жалкая самодельщина, убогий аккуратизм, которого папа на дух не выносит. Ты возьмешься за ручку двери и так, знаешь, потянешь ее на себя, прежде чем открыть шпингалет, но дом окажется заперт. Ты позвонишь в звонок – а тот не работает. Ты закричишь: «Мама! Папа!» – но никто не ответит. Ты: «Эй!» – а никто не бежит, не распахивает дверь, не восклицает: «Это ты! Как мы рады! Почему ты не предупредил? Мы бы встретили тебя на вокзале! Ты устал? Ты голодный? Заходи!» И вот ты стоишь и не понимаешь, что делать дальше. Повернешься, выйдешь обратно на улицу, вспомнишь, что у тебя есть еще родные. «Может быть, к Джинни? – скажешь ты себе. – Или к Аманде?» Но только знаешь что, Денни? *На меня* не рассчитывай, я тебя не приму, потому что я зла на тебя. Зла за всю ту веселенькую жизнь, что ты нам устраивал, не последние несколько лет, а вообще всегда. Когда не являлся на каникулы, не ездил с нами на море, пропустил тридцатую годовщину свадьбы родителей и тридцать пятую тоже, и не видел ребенка Джинни, и не приехал ко мне на свадьбу, даже открытки не прислал, не позвонил пожелать счастья. Но самое главное, Денни, *самое главное*: я никогда не прошу тебе того, что ты забрал родительское внимание все до последней капли и ничего не оставил никому из нас.

Аманда замолчала. Денни что-то сказал.

– Ну, – ответила она, – я нормально. А ты что подделывал?

* * *

И Денни приехал домой.

В первый раз – один. Эбби расстроилась, что он не привез Сьюзен, но Ред был доволен.

Денни хочет, чтобы этот приезд отличался от последних, – так он считал. Хочет заново навести мосты. Не считает, что можно взять и вернуться, как будто ничего не случилось.

Пожалуй, правда. Он вел себя иначе – осторожнее, внимательнее к чувствам родителей. Заметил все незначительные усовершенствования в доме. Одобрил новую прическу Эбби. (Она начала стричься коротко.) Что до него самого, то его подбородок, прежде мальчишески острый, чутьчку округлился, а походка сделалась размеренной. Если Эбби спрашивала о чем-то – хотя

она всячески сдерживалась и дозировала вопросы, – Денни старался дать более или менее подробный ответ. Он не стал разговорчив, нет, но все-таки *отвечал*.

У Сьюзен дела прекрасно, заверил он. Она ходит в детский сад. И да, конечно, он привезет ее показать. Карла тоже в полном порядке, но они уже не вместе. Работа? Ну, сейчас он работает в одной строительной компании.

– В строительной! – воскликнула Эбби. – Ты слышишь, Ред? Он работает в строительной компании!

Ред что-то буркнул. Он не слишком обрадовался, не так, как мог бы.

Ни от кого не ускользнуло, что рассказ Денни изобилует белыми пятнами. Как часто он видит свою дочь? А насчет Карлы – что значит «уже не вместе»? Они развелись? И где он, собственно, теперь живет? Он выбрал строительство своей профессией? То есть бросил колледж? Или нет?

Затем явилась Джинни с маленькой Деб. Ред и Эбби оставили детей одних и впоследствии узнали от дочери больше. Денни *много* общается со Сьюзен, отрапортовала Джинни, он активно участвует в жизни ребенка. На развод пока нет денег. Он делит дом с какими-то двумя парнями, но те начинают его доставать. И разумеется, он окончит колледж. Когда-нибудь непременно.

И все же информации, как обычно, не хватало. Казалось, есть что-то еще, и, если *это* удастся выведать, они наконец-то узнают, что Денни за человек.

В тот раз он гостил полтора дня. И уехал, но – вот что важно – оставил номер своего мобильного. Оказывается, номер, по которому они раньше звонили, это его мобильный! Совсем другое дело! Отлично.

Они стратегически выждали несколько недель, а потом Эбби позвонила сыну (Ред висел у нее за спиной) и пригласила на Рождество вместе со Сьюзен. Денни сказал, что Карла ни за что не отпустит Сьюзен на само Рождество, но после – вполне может быть.

Ред и Эбби прекрасно знали эти его «может быть».

Но он таки привез дочку. Рождество в том году приходилось на вторник, а они приехали в среду и остались до пятницы. Четырехлетняя Сьюзен была спокойным ребенком с шапкой каштановых кудрей и очень большими, очень карими глазами. Эти глаза всех, можно сказать, шокировали. Совершенно не уитшенковские глаза! И одета она совсем не так, как дети Уитшенков, – во что-нибудь для игры, что не жалко пачкать. Сьюзен появилась в красном бархатном платье, белых колготках и красных туфельках с ремешками. Что же, по случаю Рождества, надо полагать. Однако следующим утром девочка спустилась к завтраку в белой блузке с оборками и красном в клетку сарафане из тафты, чуть ли не карнавальной. Джинни объявила, что сочувствует Денни: бедняге пришлось застегивать все эти крошечные белые пуговики на спинке!

«Ты помнишь нас? – спросили у девочки. – Помнишь, как гостила здесь совсем еще крошкой?» Сьюзен медленно проговорила: «Кажется, да», что, конечно, не могло быть правдой. Но как мило, что она хотя бы притворилась!

– У вас была другая собака? – поинтересовалась Сьюзен.

– Нет-нет, эта же самая.

– Я думала, у вас *светлая* собака, – сказала она, и все обменялись расстроенными взглядами. О ком это она? У кого это светлая собака? Причем, наверное, в отличие от Клэренса, не слюнявая и без артриты?

Двоюродные сестры очаровали Сьюзен. Ага! Вот она, приманка дома Уитшенков – девочка-фея Элиза и маленькая хулиганка Деб. Сьюзен, судя по всему, не учили играть в карты, но вскоре она уже пристрастилась к «ловле рыбки». А еще неожиданно выяснилось, что она умеет читать. Уитшенки удивились, что у Карлы такой развитый ребенок, но, возможно, это заслуга Денни? Девочке нравилось сидеть, прижавшись к Эбби, и, глядя в книжку «Прыг да

скок»⁶, старательно произносить слово за словом. Осилив страницу, она всякий раз громко и довольно вздыхала.

К отъезду она совсем перестала дичиться. На вокзале стояла, держа Денни за руку, отчаянно махала и кричала: «Пока! Пока! До встречи! Скоро увидимся! Пока! Пока!»

И Денни привез ее опять. И опять. Ей отвели комнату – бывшую спальню дочерей Уитшенков. Она пила какао из кружки с надписью СЬЮЗЕН, а когда приходило время накрывать на стол, знала, где искать тарелку с алфавитом, некогда принадлежавшую Денни. Он же сидел и благостно за этим наблюдал. Он был самый сговорчивый папа на свете. Похоже, Сьюзен умела сгладить все его острые углы.

В 2002-м, вскоре после того как у Джинни родился Александр, Денни приехал побыть с Джинни и присмотреть за ее детьми. Всем это показалось странным. Эбби уже выполняла обычные бабушкины обязательства: взяв на работе отпуск, сидела с Деб, пока Джинни находилась в больнице, и потом частенько заезжала помочь со стиркой и другими делами. И тут вдруг как снег на голову свалился Денни и остался у Джинни и Хью на целых три недели. Спал на раскладном диване, каждый день после обеда брал коляску и возил Деб на детскую площадку, готовил еду, встречал Эбби в дверях с подгузником, переброшенным через плечо, и младенцем на руках.

Позже выяснилось, что на Джинни тогда напало нечто вроде послеродовой депрессии. И что же, она позвонила Денни и попросила приехать за ней поухаживать? Попросила брата, а не мать? Эбби как могла постаралась разведать ситуацию, расспросила Джинни самым что ни на есть нейтральным, ни капельки не обиженным тоном. Та ответила, что да, она действительно ему звонила, так просто, поговорить. Но он, видно, что-то такое понял по ее голосу – естественно, понял, ведь Джинни, к ее стыду, разревелась – и сказал, что приедет следующим же поездом.

Очень трогательно – и одновременно печально. Неужели Джинни побоялась позвонить родной матери?

– У тебя же работа, – объяснила Джинни.

А у Денни, можно подумать, нет.

Впрочем, кто знает? Может, и правда нет.

Ред считал, что они должны быть благодарны Денни за помощь.

Эбби рассеянно пробормотала:

– Да, да, конечно.

Понемногу все вошло в норму. Денни так и не научился регулярно звонить и приезжать, но это свойственно миллионам других сыновей. Главное, он не пропадал, и у семьи был если не его адрес, то хотя бы телефон.

Поразительно, говорила Эбби Реду, что мы готовы довольствоваться какими-то крохами.

– Ты мог себе такое представить? Иногда я не думаю о нем несколько дней кряду. Это же неестественно!

Но Ред ответил:

– *Очень даже* естественно. Кошка тоже успокаивается, когда котята вырастают. В тебе заговорил здравый смысл.

– Вообще-то мы все-таки люди! – возмутилась Эбби.

По крайней мере, они могли не бояться, что он переедет куда-то далеко от Нью-Йорка. До тех пор, во всяком случае, пока там живет Сьюзен. Хотя иногда Денни путешествовал – на день

⁶ «Прыг да скок» – иллюстрированная книга детских стихов Теодора Сьюза Гейзеля (Доктор Сьюз, 1904–1991), американского детского писателя и мультипликатора. Книга вышла в 1963 году и знакомит детей с базовыми фонетическими конструкциями.

рождения Александра, например, прислал открытку из Сан-Франциско. А в другой раз меньше пробыл с ними на Рождество, поскольку собрался в Канаду со своей девушкой. В первый раз он упомянул о девушке – и в последний. Сьюзен в том году гостила одна. Уже большая девочка – семь лет, но выглядела еще старше. Голова для тела казалась великовата, а лицо удивляло взрослой красотой: огромные усталые карие глаза, губы полные, мягкие, сложной лепки. Она, по видимости, нисколько не скучала по дому и отца, приехавшего за ней, встретила спокойно.

– Как Канада? – осмелилась спросить Эбби.

Он ответил:

– Весьма неплохо.

Было очень трудно понять, что происходит в его личной жизни.

И чем он занимается – тоже. Одно время они знали: установкой звуковых систем, потому что он предложил свои услуги Хью, мужу Джинни, когда тот прокладывал провода в кабинете. Но потом Денни появился в толстовке с капюшоном и нашивкой на кармане «Компьютер Клиник» и по просьбе Эбби без особых усилий починил ее закапризничавший «Макинтош». Однако у него всегда находилось время приехать и гостить сколько хочется. Разве такое возможно при нормальном офисном графике? Взять хотя бы свадьбу Стема – Денни, выбранный шафером, оставался у них целую неделю. Эбби радовалась – она переживала, что ее мальчики не слишком дружны, – но без конца спрашивала, не будет ли у него проблем на работе.

– На работе? – переспросил он. – Нет.

Однажды, ничего не объясняя, он просидел у родителей целый месяц. Они подозревали, что у него какой-то кризис в личной жизни: выглядел он очень устало и нездорово. Тогда они впервые заметили легкие морщинки в уголках его глаз, волосы сзади неряшливо падали на воротник. Но он не объяснял, что с ним происходит, и даже Джинни не решилась спросить. Он словно бы выдрессировал наконец свое семейство, все они сделались загадочными молчунами почти под стать самому Денни.

Иногда вдруг их захлестывала обида. Почему они ходят вокруг него на цыпочках? Почему им приходится что-то сочинять в ответ на вопросы соседей? «А-а, Денни, – говорила Эбби. – У него все в порядке, спасибо. Просто замечательно! Он сейчас работает в... Ой, я точно не помню, как называется, но, так или иначе, у него все отлично!»

Одно он им неизменно обеспечивал, на одно они всегда могли рассчитывать: он пропадал, и на его месте возникала зияющая дыра. В то лето, когда впервые не поехал с ними на море, например. Когда заявил, что он голубой; они тогда знать не знали, что он не едет, ждали, что вот-вот позвонит и сообщит, в какой день к ним присоединится. А потом стало ясно, что его не будет, и всех точно бетонной плитой придавило. Они приехали в коттедж, который всегда арендовали. Распаковали еду. Постелили постели. И начали, как обычно, ходить на пляж, но не переставали ждать. Вечерний ветерок захлопывал сетчатую дверь – они с надеждой поднимали головы от пазла. Видели, что кто-то плывет в бурунах, приближаясь, особым кролем, характерным для Денни, – и на полуслове обрывали разговор. А в середине недели... о, это было самое странное. Посреди недели ближе к вечеру Эбби и девочки сидели на застекленной веранде и чистили кукурузу, но вдруг услышали, что где-то играет концерт Моцарта № 1 для валторны с оркестром. Они посмотрели друг на друга, встали со стульев, бросились через дом к входной двери... и поняли, что музыка доносится из автомобиля, припаркованного на другой стороне улицы. Кто-то сидел за рулем, открыв окна (но наверняка все равно там зажарился!), и радио у него орало во всю мощь. Мужчина в спортивной майке, а Денни такую не надел бы под страхом смерти. Грузный дядя, если судить по руке, выставленной из окна, куда крупнее, чем Денни мог бы стать, даже если со дня последней встречи с родными только ел бы да ел. И все-таки вы же знаете, как оно бывает, когда скучаешь по любимому человеку. Он видится вам повсюду; вы ловите обрывок знакомой мелодии и уже готовы поверить, что ваш любимый человек стал по-другому одеваться, поправился на целую тонну, купил машину и припарковал

ее перед чужим домом. «Это он! – восклицаете вы. – Приехал! Мы знали, что он придет, мы всегда...»

Но потом вы слышите, как жалко это звучит, и слова ваши повисают в воздухе, и сердце ваше разбивается на куски.

2

В семье из поколения в поколение передавались две истории. Они считались наиболее характерными – судьбоносными, по сути, – и все, включая трехлетнего сына Стема, слышали их тысячу раз. Эти две истории Уитшенки рассказывали, пересказывали, расцвечивали подробностями, обсуждали все с новых и новых точек зрения.

Первая касалась старейшего из известных им предков – Джуниора Уитшенка, плотника, что во времена оны был в Балтиморе нарасхват благодаря своему великому мастерству и чувству прекрасного.

Странно называть патриарха Джуниор⁷, но на то существовало вполне логичное объяснение. По-настоящему его звали Джарвис Рой, что сначала сократилось до Дж. Р., а затем вновь, наподобие аккордеона, расплзлось до Джуниора. Настоящее имя свекра выяснила его же собственная невестка, когда подумывала присоединить к имени первенца, если тот окажется мальчиком, римскую цифру III. Однако еще удивительнее другое: Джуниор был не какой-то далекий прапрадед, а всего лишь отец Реда Уитшенка. К тому же никто понятия не имел, где он обретался до 1926 года. Генеалогическое древо у них получалось до ужаса низкорослое.

Откуда Джуниор появился, доподлинно неизвестно. По общему смутному ощущению, откуда-то с Аппалачей. Может, он об этом упоминал. А может, догадка основывалась на его акценте. Если верить Эбби, которая еще девочкой его знала, он говорил как южанин, в нос, тонким металлическим голосом, хотя в какой-то момент, похоже, решил, что повысит свой социальный статус, если будет произносить букву «i» на северный лад. Четкие острые «ай» протыкали его тягучую деревенскую речь шипами – опять же, по словам Эбби, видно не одобрявшей эту его манеру.

Фотографий Джуниора сохранилось немного. С них смотрел человек с лицом, пожалуй, чересчур худым – в те времена о нем не постеснялись бы сказать «белая шваль». Истинный Уитшенк, он и после шестидесяти был черноволос, очень белокож и характерно поджар; голубые глаза казались вечно прищуренными. Эбби утверждала, что он всегда носил строгий темный костюм, но Ред возражал: ничего подобного, костюмы появились позже, когда Джуниор сам уже не работал, а лишь объезжал строительные объекты с проверками. В детских воспоминаниях Реда отец фигурировал только и исключительно в комбинезоне.

Так или иначе, попав в Балтимор, Джуниор нанялся на работу к строительному подрядчику Клайду Л. Уорду. Об этом свидетельствует напечатанное на машинке письмо, найденное среди бумаг Джуниора после его смерти; письмо извещает «всех, кого это касается» о том, что Дж. Р. Уитшенк трудился под началом мистера Уорда с июня 1926 года по январь 1930-го и проявил себя умелым и талантливым плотником. Впрочем, он, очевидно, обладал и другими редкими качествами, поскольку уже в 1934 году в «Балтимор пост» появляется прямоугольничек с рекламой услуг компании «Уитшенк Констракшн» – «Качество и Порядочность».

Не лучший, видит бог, период для начала собственного дела, но Джуниор процветает: вначале реконструирует, а после строит с нуля роскошные дома в окрестностях Гилфорда, Роланд-парка и Хоумленда. Приобретает пикап «Форд модель Б», на дверях которого с обеих сторон красуются переплетенные буквы УКК и под ними телефонный номер. Ни названия

⁷ От англ. *Junior* — младший.

компании, ни чем она занимается – кому нужно, знают и так. В 1934-м у Джуниора восемь служащих, в 1935-м – двадцать.

А в 1936-м он влюбился в дом.

Нет, вероятно, прежде он все-таки влюбился в свою жену, ведь к тому времени он женат. Когда-то до этого он успел жениться на Линии Мэй Инман.

Но только о Линии у него редко находилось что сказать, зато о доме на Боутон-роуд он говорил много, буквально *запоем*.

Дом вошел в его жизнь еще чертежом. Они с мистером Эрнестом Бриллом, владельцем балтиморской ткацкой фабрики, договорились встретиться у земельного участка и стояли там, и мистер Брилл развернул калечный рулон. Джуниор посмотрел на участок (мириады птиц, тюльпанные деревья⁸, россыпи белого кизила), потом на эскизы дощатого дома с необъятным крыльцом-верандой, и в голове его как-то само по себе выскочило: «Да это же *мой дом!*»

Вслух он, конечно, ничего такого не сказал. Вслух он сказал: «М-м-м» и «Понятно». Взял у мистера Брилла чертежи, изучил фасад. Полистал поэтажные планы. Протянул:

– М-м-м.

– Как вам? – осведомился мистер Брилл.

Джуниор откликнулся:

– Ну...

Это не был величественный особняк, о каком должен бы мечтать человек вроде Джуниора. Нет, скорее, это следовало назвать *семейным гнездом*. Такой дом нередко служит картинкой для пазла на тысячу элементов; удобное, незатейливое жилье, которое трудно представить без звездно-полосатого флага, развевающегося перед входом, и без лимонадной стойки у бордюра⁹. Высокие подъемные окна, дымоход, обложенный плитняком, над дверью раскрытым веером арочное окошко. Но главное – крыльцо: изумительное, во всю длину фасада крыльцо. Веранда, в сущности.

– Оно меня поразило в самое сердце, – говорил потом Джуниор. – Вот не знаю, поразило, и все тут.

И он объявил мистеру Бриллу:

– Пожалуй, я за это возьмусь.

«Почему же не построить точно такой же дом себе?» – часто спрашивали дети Реда. Скопировать чертежи да и построить? Ред отвечал, что не может объяснить. Потом предположил, что дело, вероятно, в участке. Боутон-роуд – элитная территория, к 1936 году там почти все уже раскупили. Кондиционеров по тем временам еще не было, и окна домов в Балтиморе с мая по октябрь закрывали маркизами до самого подоконника, но тюльпанные деревья затеняют не хуже. Кроме того, на таком участке дом просто обязан стоять наверху пологого длинного холма: как иначе показать его во всей красе?

В общем, Джуниор построил дом мистеру Бриллу.

Это стало его лучшим в жизни творением. Он придирчиво осматривал каждую полочку в кладовке и каждую ручку всех без исключения шкафов. Отклонял любые пожелания заказчика, если считал, что они экономят время в ущерб качеству или попросту безвкусны. Ибо репутацию Джуниор себе создал именно благодаря хорошему вкусу. Откуда у него это взялось, неизвестно, но его нюх на все претенциозное поистине потрясал. Колонны в два этажа – нет уж, увольте! И никаких шикарных подъездов – они для тех, кто раскатывает в лимузинах с шоферами! Когда мистер Брилл робко спросил, нельзя ли устроить перед домом «каретную» дорожку в форме подковы, Джуниор взорвался.

⁸ Лириодендрон тюльпановый, или тюльпанное дерево (лат. *Liriodendron tulipifera*), – высокое дерево семейства магнолиевых, в природных условиях растущее на востоке Северной Америки.

⁹ В США есть традиция: дети летом продают домашний лимонад прямо у своего дома, для чего на улице устанавливают специальную стойку.

– Каретную? – вскричал он. – Зачем еще, черт побери? У вас всего лишь «Крайслер Эйрфлоу», а не шестерка лошадей!

Так, во всяком случае, диалог звучал в его пересказе. Он вполне мог преувеличить собственную дерзость.

Дальше он начал фантазировать и долго, с любовью, в деталях рассказывал, как к дому будут съезжаться гости. Дорога для машин, говорил он, должна подходить сбоку, она для семейного пользования. Гости пускай паркуются на улице. Представьте: они выходят из автомобилей, поднимают головы, видят это роскошное крыльцо, идут по дорожке, вымощенной плиткой, а хозяева ждут их на ступенях. Да, и кстати! Крыльцо должно быть деревянное. Только так. Считается, что доски прогибаются, трескаются, но, если правильно заботиться, нет ничего прекраснее широких ступеней мореного дерева (в морилку надо вмешать немного мелкого песка, чтобы не скользили) и деревянного и крепкого, как корабельная палуба, пола. Это, конечно, потребует усилий, денег и тщания, но такое крыльцо говорит само за себя.

Полностью согласен, отвечал мистер Брилл.

Джуниор строил дом почти год; он привлек всех своих рабочих и еще нескольких со стороны. Затем Бриллы вступили во владение, а Джуниор погрузился в траур. Обычно болтливый – заказчики старались не встречаться с ним, если спешили по делам, – он погрузился в молчание, затосковал, мало интересовался новыми объектами. Он сам об этом рассказывал годы спустя, а вот его жена откровенничать не любила.

– Я не мог пережить, – признавался Джуниор, – что кто-то поселился в *моем* доме.

К счастью, Бриллы оказались людьми безрукими. Едва ударили морозы, они позвонили Джуниору и пожаловались, что не работает отопление. Джуниор поехал сливать воду из радиаторов. Он мог бы научить их самих это делать, но не стал. Ходил из комнаты в комнату со специальным ключом, а закончив, спрятал его в карман и сказал Бриллам:

– Если что, звоните.

И вскоре уже заходил к ним практически еженедельно. Для окон – громадных – требовались особые противомоскитные сетки и зимние ставни с хитроумным креплением, Джуниор каждую весну и осень руководил их снятием и установкой. Как шафер, который влюблен в невесту и крутится вокруг нее, хотя свадьба давно позади, он изобретал предлоги, чтобы на минуточку заскочить. Завозил начатую баночку краски или неиспользованный кафель, перепроверял замок, который смазывал всего неделю назад. Появлялся в любое время и, если дома никого не оказывалось, открывал дверь своим ключом. А когда замечал неполадки – щербинку в штукатурке или еле заметную трещинку в раковине, – то впадал в чудовищное беспокойство. Он вел себя так, будто пустил в собственный дом жильцов, которые не следят за порядком.

Одно из первых воспоминаний Реда в возрасте примерно трех лет – он вылезает из грузовика отца, а миссис Брилл ждет их на заднем крыльце, придерживая на плечах кардиган.

– Главное, Джуниор, не уходи сразу, если ее не услышишь! – истерически завопила она. – Она же, наверное, затаится, едва ты зайдешь.

На чердак тогда залезла белка, это Ред помнил.

– Паникерша была, жуть, – говорил он. – Считала, что все зверьки только за ней и охотятся, и всюду-то у нее пахло дымом, и еще она до смерти боялась, что к ней залезут. Залезут! На Боутон-роуд!

Но – самое страшное ее прегрешение – она так и не полюбила дом. Жаловалась, что он слишком далеко от центра, и скучала по старой квартире, откуда до ее женского клуба рукой подать. Правда, и на Роланд-авеню имелся женский клуб, но это, сами понимаете, абсолютно не то.

Хуже того, мистер Брилл часто уезжал, выражаясь словами Джуниора, по «делам-делишкам» и оставлял миссис Брилл без всякой помощи, не считая, конечно, двух их испорченных мальчишек (Джуниор неизменно называл сыновей Бриллов испорченными, хотя ни разу тол-

ком не объяснил почему). Они еще подростками весили каждый едва ли не больше Джуниора, но именно ему, заслышав шум в подвале, звонила миссис Брилл.

Ред практически не сомневался, что Джуниору не платили за труды. Бриллы принимали его услуги как должное. Они обращались к нему по имени, а сами оставались «мистер» и «миссис». И в Рождество миссис Брилл удостаивала его визитом наряду со своим дворовым мальчишкой и девчонкой-уборщицей. Стояла на пороге в пушистой шубе, с корзиной магазинных консервов в руках, и автомобиль урчал перед дверью; миссис Брилл никогда не заходила в дом, несмотря на то что ее всегда приглашали.

Джуниор жил в Хэмптоне, всего в трех-четыре кварталах от Бриллов – и одновременно в целом мире от них. Джуниор и Линии снимали дом на две спальни, который стоял несколькими футами ниже мостовой и оттого казался нахохленным. У Уитшенков было двое детей – Меррик (девочка) и Редклифф. «Ого!» – подумают некоторые. Неужели загадочное прошлое семьи скрывает неких Мерриков? И Редклиффов? Нет – просто Джуниор считал эти имена аристократическими. От самого их звучания веяло благородным происхождением, вероятно, по материнской линии. Джуниор постоянно изыскивал способы прибавить себе социальный вес и все-таки держал семью в жалком хэмптонском домишке, даже не потрудившись его отремонтировать, хотя кому, как не ему, было это делать?

– Я выжидал, – объяснял он много позже. – Выжидал, больше ничего.

И продолжал менять проводку в своем обожаемом доме на Боутон-роуд, подвинчивать петли, гонять многочисленных птиц и летучих мышей, не выказывая ни малейшего раздражения.

Холодным февральским вечером 1942 года миссис Брилл объявилась на пороге дома Уитшенков с обоими своими сыновьями. Все трое стояли без пальто. Миссис Брилл рыдала. Линии, открывшая дверь, воскликнула:

– Господи, что?..

Миссис Брилл схватила Линии за запястье:

– Джуниор дома?

– Да, – Джуниор возник рядом с Линии.

– Случилась кошмарная вещь, – пролепетала миссис Брилл. – Кошмарная, просто кошмарная.

– Может быть, зайдете? – предложил Джуниор.

– Я вышла на веранду, – не двигаясь с места, заговорила она, – хотела заняться письмами. Знаете мой столик, за которым я пишу? Так там, на полу под стулом, лежит холщовая сумка, ну, такая, для инструментов, с застегивающимися ручками. Представьте, открытая, и внутри – воровские инструменты!

– Угу, – буркнул Джуниор.

– Отвертки, ломик и... о господи! – Она привалилась к сыну, выдержавшему ее вес. – А поверх всего – моток веревки!

– Веревки! – воскликнула Линии.

– Да, чтобы вязать людей.

– Святое небо!

– Знаете что, – решительно произнес Джуниор, – давайте-ка поедem и разберемcя, в чем там дело.

– О, пожалуйста, Джуниор! Пожалуйста! Знаю, мне следовало позвонить в полицию, но я думала только об одном: надо скорее убираться отсюда, надо спасти моих мальчиков. Схватила ключи и побежала. Я не знала, к кому еще обратиться, Джуниор.

– Вы совершенно правильно поступили, – сказал Джуниор. – Я обо всем позабочусь. Вы оставайтесь с Линии, миссис Брилл, а я приведу копов, чтобы они все проверили до вашего возвращения.

– Нет, я ни за что туда не вернусь, – заявила миссис Брилл. – Этот дом для меня умер, Джуниор.

Тут один из сыновей подал голос:

– Ты чего, ма?

(Лишь эту реплику одного из сыновей Брилл сохранила история.)

Но та повторила:

– Умер.

– Давайте сначала разберемся, – и Джуниор потянулся за пиджаком.

О чем говорили женщины, оставшись вдвоем? Джинни как-то спросила, но никто не смог ей ответить. Линии сама об этом вроде не упоминала, а Меррик и Ред были маленькие (Меррик пять, Реду четыре) и вообще ничего не помнили. Казалось, Джуниор ушел – и все попросту исчезло. А когда вернулся, снова включилось, ожило при первых звуках его тягучего тонкого голоса: «Он грит», «Я грю».

Полицейские сказали:

– Это просто старая сумка какого-то работяги.

Джуниор ответил:

– Точно, – и пхнул сумку носком сапога. – Правда, веревка... – через секунду прибавил он.

– Рабочим часто нужна веревка.

– Это верно, тут не поспоришь.

Они постояли молча.

– Вот только обычно у них я работаю, – проговорил Джуниор.

– Вот как.

– И кто тут разберется?

Он поднял руки ладонями вверх, будто проверяя, не идет ли дождь, и, глянув на полицейских, вздернул брови и пожал плечами. И все они сошлись на том, что о деле можно забыть.

Потом из поездки возвратился мистер Брилл, и состоялась следующая беседа.

– Ты купишь дом? – изумился мистер Брилл. – Купишь, и что будешь делать?

– Как что? Жить, – отозвался Джуниор.

– Жить? Ага. Ясно. Но... Ты уверен, что тебе здесь будет комфортно?

«А кому бы здесь не было комфортно?» – риторически спросил Джуниор у своих детей много лет спустя. Но мистеру Брилли тогда ответил:

– Во всяком случае, я могу быть уверен, что он хорошо построен.

Мистеру Брилли хватило деликатности не объяснять, что он имел в виду совершенно другое.

Ред вспоминал свое детство в том доме так, будто вырос в раю. На Боутон-роуд детей хватало, чтобы при желании составить две бейсбольные команды, и они все свободное время проводили на свежем воздухе – играли вместе и девочки, и мальчики, и большие, и маленькие. Ужинали всегда торопливо – еда как досадный перерыв в забавах, навязанный матерями. А потом вновь исчезали из дома и возвращались, лишь когда их звали спать, – потные, с прилипшими к телу стебельками травы, протестуя, выпрашивая еще полчаса.

– Могу поспорить, что и сейчас вспомню имена всех ребят в квартале, – хвастал Ред перед собственными детьми.

Не такое уж великое достижение: большинство так и остались здесь или вернулись, пожив какое-то время в других, менее достойных местах.

Ред и Меррик легко влились в детскую компанию, но их папа и мама не нашли общего языка с прочими родителями. Возможно, виной тому была Линии, слишком тихая и стеснительная. Заметно моложе Джуниора, худая и бледная, с обвислыми тусклыми волосами и почти

бесцветными глазами, она обычно вся съеживалась и начинала ломать руки, если к ней обращались. Ясно, что не Джуниор всех отпугивал. Он-то спокойно беседовал с кем угодно. Говорил, говорил, говорил, пока у собеседника уши не отсохнут. Хотя, может, дело именно в этом? Люди отвечали ему вежливо, но сами предпочитали помалкивать.

Впрочем, неважно. Джуниор получил свой дом. И без усталости с ним возился. Обустроил туалет в нише под лестницей, потому что, едва они въехали, понял, что одной ванной явно недостаточно, а в гостевой комнате соорудил шкафы для швейных принадлежностей Линии, поскольку гостей они никогда не принимали. Но нормальной мебели не заводили годами, деньги до последнего пенни ушли на первоначальный взнос за дом, а покупать старье Джуниор не собирался, слуга покорный!

«В нашем доме ценят качество», – заявлял он. Просто анекдот, сколько фраз у него началось со слов «в нашем доме». В нашем доме не ходили босиком. В нашем доме надевали парадную одежду, чтобы отправиться на трамвае в центр города. В нашем доме по воскресеньям и в дождь и в ведро отправлялись в епископальную церковь Св. Давида, хотя Уитшенки никак не могли принадлежать к ней с рождения. По-видимому, выражение «в нашем доме» в действительности означало «в нашей семье». Эти понятия совпадали.

Одно оставалось загадкой. Сколько ни болтал в свое время Джуниор, его внуки так толком и не поняли, кто он такой. Кто *в точности*? Откуда? И откуда Линии, если на то пошло? Казалось бы, Ред должен иметь об этом хоть какое-то представление, а уж его сестра тем более, женщины всегда любопытнее. Но нет, оба утверждали, что ничего не знают. (Если можно им верить.) А Джуниор и Линии умерли раньше, чем их внуку исполнилось два года.

И еще: что Джуниор за человек, противный или приятный? Плохой или хороший? Непонятно. С одной стороны, от его амбиций всех корбило. Все прямо кривились, думая о том, как он рабски копировал тех, кто выше по социальному статусу. Но потом они вспоминали его стесненные обстоятельства, его законную тоску «мальчика со спичками» и преданность работе – в сущности, гений же – и неохотно признавали: «Что ж...»

Он был как все, говорил Ред. Противный *и* приятный. Хороший *и* плохой.

Но такой ответ никого не устраивал.

Итак, первая семейная легенда – про Джуниора: как Уитшенки поселились на Боутон-роуд.

Вторая – про Меррик.

В том, что Меррик истинная дочь своего отца, сомнений никогда не было. Уже в девять лет она срежиссировала собственный перевод из обычной школы в частную и потом – пока Ред кое-как учился в Мэрилендском университете, полностью сосредоточившись на строительстве, которое считал своим призванием, – прохлаждалась в колледже Брин Мор, постигая искусство превзойти собственное происхождение. Зимой по выходным она каталась на лыжах с друзьями, в теплую погоду ходила под парусами. Начала употреблять слова «божественно» и «вкуснейший» (не в отношении еды). Трудно представить такое в устах ее родителей! Она уже очень далеко от них ушла.

Лучшей подругой Меррик с четвертого класса была Поуки Вандерлин, тоже посещавшая Брин Мор. Весной 1958-го, когда они отучились предпоследний год, Поуки обручилась с Вальтером Барристером III, известным под именем Трей.

Балтиморец, выпускник Гилмора и Принстона, этот молодой человек работал в семейной фирме, занимался финансами. В летние каникулы, когда Меррик и Поуки с друзьями собирались на крыльце Уитшенков, курили «Пэлл-Мэлл» и жаловались, как им всем скучно, Трей часто присоединялся к ним. Похоже, в офисе ему разрешалось появляться по весьма свободному расписанию. Ред возвращался со своей летней работы около четырех – истинный работяга – и всегда заставлял Трея на крыльце вместе с остальными. Безупречно белый кардиган,

небрежно брошенный на плечи, кожаные мокасины, надетые без носков (Ред увидел такое в первый раз, но, к сожалению, не в последний). Затем они все куда-нибудь шли и чем-нибудь занимались. Поскольку рассказывал эту историю сам Ред, то непонятно было, что именно делали друзья Меррик, но, наверное, ели в кафе, потом шли в кино или на танцы. А поздно вечером опять сидели на крыльце. В конце концов, оно, такое необычно просторное, такое глубокое, не давало промокнуть даже в грозу. Их голоса отчетливо долетали до двух спален в передней части дома – Реда и родителей. Ред нередко высовывался из окна и кричал: «Эй, вы! Кому-то, если забыли, утром рано вставать!» Но от родителей они ни разу не слышали ни слова упрёка. Надо думать, Джуниор торжествовал: им с Линии родители не давали посидеть на крыльце, а у него толпятся все эти девочки и мальчики, раскованные, элегантные, с блестящими волосами.

Тем летом молодежь разделялась на пары. Приближался последний год обучения, а девушки тогда стремились выйти замуж сразу после колледжа. За Меррик ухаживал не один юноша, а сразу два, но Ред ни одного толком не знал. Они были на несколько лет старше и к тому же похожи, поэтому он постоянно их путал. Кроме того, он не верил, что кому-то может всерьез нравиться его сестра. Меррик, худая, нескладная, с уитшенковским выступающим подбородком, который больше шел мужчинам, чем женщинам, сменила причёску на новую, вызывающе модную. Ее волосы пышно топырились с левой стороны, а с правой липли к виску, как будто она стояла под сильным ветром. Но Тинк и Бинк, или как их там, от нее откровенно млели. Они называли ее Жер, от «жердь», и своим поддразниванием, очевидно, пытались завоевать ее расположение.

Отец как-то поинтересовался у нее:

– А кто тот блондин? Стриженный ежиком?

– Который? – спросила Меррик.

– Тот, что ныл насчет вчерашней игры в гольф.

– *Который*, папа?

Из этого Ред сделал вывод, что ни один не производит на нее особого впечатления. И еще: что родители, во всяком случае отец, прислушиваются к разговорам на крыльце куда внимательней, чем он думал.

Поуки тем временем в деталях обдумывала свою свадьбу. Оставалось меньше года, а событие такого масштаба требовало тщательной подготовки. Назначили дату и место. Обсуждалась цветовая гамма платьев подружек невесты. Меррик пригласили главной подружкой. Она заявила родителям, что все это невероятная скука, но мать возразила:

– Что ты, Поуки оказывает тебе честь.

А отец прибавил:

– Ты, может, не знаешь, но Вальтер Барристер I основал «Барристер Файненшиал».

Ред стал замечать, что, когда собирались одни девушки, Поуки чаще всего говорила о Трее уничижительно. Издевалась над тем, как он заботится о своей густой светлой челке, красиво падающей на лоб, привычно называла жениха «принц Роланд-парка». Изрекала: «По магазинам завтра пойти не смогу. У меня ланч с мамашей принца Роланд-парка». Частично это, конечно, объяснялось тем, что в их компании насмешливая ирония была в ходу, о ком бы или о чем ни шла речь. Но, если начистоту, Трей заслуживал титула. Еще в школе он ездил на спортивной машине, и, кроме особняка в Балтиморе, Барристеры владели двумя другими домами на далеких курортах из разряда тех, что рекламируются в «Нью-Йорк таймс». Поуки утверждала, что Трей испорчен до мозга костей, и винила во всем его мать, «королеву Юллу».

Юлла Барристер, тощая как спичка, невероятно стильная, казалась вечно недовольной. Ред, когда видел ее в церкви, всякий раз вспоминал миссис Брилл. Миссис Барристер верховодила в этой церкви, и верховодила в женском клубе и, конечно же, в семье, состоявшей всего из трех человек. Трей был ее единственным сыном – выражаясь ее словами, ее драгоценным

мальчиком, ее солнышком. И Поуки Вандерлин, разумеется, солнышку абсолютно не подходила.

За лето Ред наслушался бесконечных разговоров о том, что Поуки приходится терпеть от королевы Юллы. Поуки вытаскивали на невыносимо мучительные семейные обеды и чаепития с чопорными пожилыми дамами, посылали к косметичке королевы Юллы «сделать что-нибудь со своими бровями», распекали за неумение написать благодарственное письмо или за то, что письмо недостаточно благодарственно. Рисунок серебряной вышивки, выбранный ею для платья, поменяли, не спросив согласия, и рекомендовали подумать о свадебном наряде такого фасона, который бы выгодно скрыл ее пухлые плечи.

Меррик вновь и вновь громко ахала, будто на сцене.

– Нет! Не верю! – восклицала она. – Почему Трей за тебя не вступится?

– *Трей*, – презрительно бросала Поуки. – Трей уверен, что именно его мамаша развесила на небе луну и звезды.

А еще: Трей ни о ком не думает, Трей эгоист и вдобавок ипохондрик. И забывает о существовании Поуки, едва заведя на улице приятелей. И хоть бы раз в жизни провел вечер, не выхлебав столько джина, сколько сам весит!

– Ему бы поосторожней, не то он тебя потеряет, – возмущалась Меррик. – Ты можешь выбрать кого захочешь! Тебе незачем цепляться за Трея. Вон Такки Беннетт – чуть не застрелился, когда узнал о твоей помолвке.

Часто Поуки жаловалась на жениха в присутствии Реда, которого в той компании не считали за мужчину. Но Ред, бывало, спрашивал: «Как ты это терпишь?» или: «И ты согласилась выйти за этого типа?»

– Знаю, я дура, – отвечала Поуки. Но конечно же, так не думала.

Настала осень, все разъехались по колледжам, но Меррик вдруг начала являться домой каждый уикэнд, что совсем за ней не водилось. Ред сам часто навещался домой, поскольку Колледж-Парк находился недалеко, но со временем понял, что сестра бывает дома еще чаще. По воскресеньям она ходила с семьей в церковь, а на выходе останавливалась поздороваться с Юллой Барристер. И даже если Трея, вопреки обыкновению, не оказывалось за плечом матери, Меррик, в новой скромной шляпке-таблетке, все равно энергично кивала головой, мило смеялась – фальшивым, как сразу почувствовал бы любой брат, каким-то жиденьким смехом – и внимала каждому слову, которое Юлла Барристер цедила сквозь зубы. А вечерами, когда Трей являлся с визитом, – «Это нормально, – говорила Меррик, – он ведь женится на моей лучшей подруге!» – они вдвоем сидели на крыльце, хотя погода стояла уже холодная. Дым их сигарет вливался в открытое окно Реда. (Но если так холодно, удивлялись через много лет его дети, зачем открывать окно?)

– Она меня допекла, я не шучу, – сказал однажды Трей. – Что я ни сделаю, она недовольна. Клюет меня в темечко и клюет.

– Она тебя в грош не ставит, как я погляжу, – ответила Меррик.

– А как она поступает с мамой? Не может, видите ли, помочь выбрать меню для ужина на репетиции свадьбы, потому что конец семестра и надо сдавать курсовую работу. Курсовую работу! Когда у нее свадьба!

– Бедная твоя мама, – вздохнула Меррик. – Она же старается ради Поуки, хочет, чтобы она чувствовала себя членом семьи.

– Вот почему *ты*, Жер, все понимаешь, а Поуки – нет?

Ред с силой захлопнул окно.

Джуниор велел Реду не выдумывать глупостей. Потом, когда ситуация взорвалась, и правда вышла наружу, и почти никто в Балтиморе не разговаривал с Треем и Меррик, Ред заявил:

– Я знал, что так будет! Я видел, что происходит. Меррик все спланировала с самого начала. Она украла его!

Но Джуниор ответил:

– Сынок, о чем ты? Человека нельзя украсть, если он сам не хочет.

– Клянусь, она плела интриги еще прошлым летом, и, черт побери, ей все удалось. Она льстила Трею в лицо, а за спиной мешала с грязью перед Поуки. И подлизывалась к его матери, лебезила перед ней так, что меня аж тошнило.

– Ну, он все равно не собственность Поуки, – Джуниор помолчал и добавил: – Да и вообще, теперь он собственность Меррик.

И морщины около его губ стали глубже, как всегда, когда ему удавалось обстряпать какое-нибудь дельце в точности по своему желанию.

Какие же это легенды, скажет сторонний наблюдатель. Человек покупает дом, которым всегда восхищался, когда этот дом наконец выставлен на продажу; девушка выходит замуж за жениха подруги. Такое случается сплошь и рядом.

Но возможно, клану Уитшенков, возникшему совсем недавно, не хватало историй, не из чего было выбирать. Вот и приходилось извлекать по максимуму из того, что имеется.

Ясно, что от Реда они ничего не ждали. Ред взял и женился на Эбби Далтон, которую знал с ее двенадцати лет, – на девочке, так уж совпало, из Хэмптона, где когда-то жили Уитшенки. Ред с Эбби и сами поселились в Хэмптоне после свадьбы. «Зачем мы вообще переезжали, – пробурчал тогда его отец, – если ты умчался назад при первой возможности». А когда в 1967 году родители Реда умерли – погибли под товарным поездом, их машина застряла на путях, – он вступил во владение домом на Боутон-роуд. Меррик родовое гнездо не интересовало. Они с Треем жили в особняке и владели недвижимостью в Сарасоте, к тому же Меррик призналась, что никогда не любила их дом. Естественно: без ванной комнаты при каждой спальне! В пятидесятых Джуниор пристроил ванную к супружеской спальне, переделав огромную, обшитую кедром кладовку, но Меррик жаловалась, что просыпается всякий раз, когда спускают воду. Так или иначе, Ред поселился в доме, где вырос и где однажды собирался умереть. Так себе, прямо скажем, легенда.

Соседи теперь говорили «дом Уитшенков». Знай об этом Джуниор, пришел бы в восторг. Он в свое время печалился, что его иногда именуют «мистером Уитшенком, который живет в доме Бриллов».

Уитшенки не представляли собой ничего особенного. Ни один не стал знаменит. Ни один не мог похвастаться феноменальным умом. Внешность тоже непримечательная: худоба из разряда «кожа да кости», а вовсе не гибкая стройность журнальных моделей, в заостренных лицах – намек на то, что если сами они и питаются нормально, то предки, вероятнее всего, недоедали. С возрастом у них появлялись мешки под глазами, опущенные внешние уголки которых и так придавали Уитшенкам несчастный вид.

Их фирма имела хорошую репутацию, но и многие другие считались не хуже, и небольшой порядковый номер лицензии свидетельствовал лишь о долголетию компании; о чем тут шуметь? Сидеть на одном месте – казалось, они видят в этом добродетель. Трое из четырех детей Реда и Эбби жили в двадцати минутах езды от родителей. Ничего выдающегося.

Однако, как и большинство семей, они считали себя особенными. И очень гордились умением все чинить. Позвать мастера – даже из своей же фирмы – значило потерпеть поражение. Они унаследовали неприязнь Джуниора к показухе и были твердо убеждены, что вкус у них лучше, чем у других людей. Порой они придавали слишком много значения причудам судьбы. Тому, например, что и Аманда, и Джинни вышли замуж за мужчин по имени Хью; их называли «Хью, муж Аманды» и «Хью, муж Джинни». А еще – общему обыкновению просыпаться среди ночи и часа по два лежать без сна, а также почти сверхъестественному таланту выбирать собак, которые не умирают целую вечность. Всем, кроме Аманды, было плевать, что

надеть утром, но все возмущались, увидев взрослого человека в голубых джинсах. Они начинали беспокойно ерзать, если разговор заходил о религии. Утверждали, будто равнодушны к сладкому, невзирая на явные доказательства, что это не совсем так. И, в разной степени, проявляли терпимость к спутникам жизни друг друга, зато с родственниками спутников не церемонились, считая чужие семьи не столь сплоченными и любящими, как собственная. Они разговаривали с подчеркнутой медлительностью, как люди физического труда, хотя отнюдь не все работали руками, и от этого казались добродушными и терпеливыми, что являлось правдой лишь частично.

Именно терпение, полагали Уитшенки, лежало в основе двух семейных легенд, – терпеливое ожидание того, что, по их мнению, обязано к ним прийти. «Я выжидал», говорил Джуниор, и Меррик сказала бы так же, если б захотела обсуждать свою историю. Но человек, настроенный критически, пожалуй, назвал бы здесь главной побуждающей силой зависть. А очень давний и близкий знакомый (которого не существовало) мог бы поинтересоваться, почему никто не замечает еще одного обстоятельства: обе истории со временем закончились разочарованием.

Джуниор получил свой дом, но не стал счастлив, нет, не настолько, как должен бы. Джуниора часто заставляли за тем, что он рассматривает свое жилище с озадаченным и печальным видом. Всю оставшуюся жизнь он постоянно возился, что-то менял, встраивал шкафы, перекладывал дорожку, будто надеялся, что дом, доведенный до совершенства, откроет ему сердца соседей – тех, что не признавали его своим и ему самому не слишком нравились.

Меррик получила мужа, но тот, когда не пил, был холоден и равнодушен, а когда пил, то хамил и ругался с ней. У них так и не родилось детей, и Меррик, как правило, жила одна в Сарасоте, дабы не встречаться со свекровью, которую презирала.

Но семья, похоже, не замечала ничего плохого. Очередная удивительная особенность, особый талант делать вид, что все отлично. Но может, и не особенность вовсе, а доказательство абсолютной обыкновенности?

3

С первого дня 2012 года Эбби начала пропадать.

Они с Редом взяли к себе на ночь трех сыновей Стема, чтобы он и Нора могли встретить Новый год в Нью-Йорке. Наутро, около десяти, Стем приехал их забирать. Как и все в семье, он лишь для порядка постучался и сразу же открыл дверь. Крикнул: «Эй!» Заглянул в гостиную, постоял и, лениво почесывая собаку за ухом, прислушался. Повсюду тишина, а на застекленной веранде шумят дети.

– Эй! – опять крикнул он и пошел на голоса.

Мальчики сидели на ковре вокруг доски для игры в парчиси¹⁰, три светлые головы лесенкой, все одеты небрежно, в старые толстовки и джинсы.

– Пап, – тотчас сказал Пити, – объясни Сэмми, что ему нельзя с нами играть. Он неправильно соединяет!

– Где бабушка? – спросил Стем.

– Не знаю. Скажи ему, пап! Он так швыряет кости, что одна закатилась под диван.

– Бабушка *разрешила* с вами играть, – запротестовал Сэмми.

Стем направился обратно в гостиную.

– Мам? Пап? – позвал он.

¹⁰ Парчиси, или «двадцать пять», – американская адаптация настольной игры, появившейся в Индии более 4000 лет назад. Представляет собой игровое поле в виде креста, по которому игрок перемещает фишки. Количество клеток, на которые перемещается фишка, определяется броском двух костей.

Никакого ответа.

На кухне за столом он увидел отца, читающего «Балтимор Сан». В последние годы Ред стал глуховат, поэтому поднял глаза от газеты, только когда Стем появился в его поле зрения.

– Привет! – обрадовался он. – С Новым годом!

– И тебя тоже с Новым годом.

– Как в гостях?

– Хорошо. А где мама?

– Да где-то здесь. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо.

– Я сию минуту приготовил.

– Спасибо, не хочется.

Стем прошел к задней двери и выглянул во двор. Неподалеку в зарослях кизила сидел одинокий кардинал, яркий, как осенний лист, не успевший облететь, но больше – ничего и никого. Стем повернулся к отцу и посетовал:

– Кажется, нам придется уволить Гильермо.

– Чего?

– Гильермо. Его надо выгнать. Де'Онтей говорит, что он и в пятницу явился с похмелья.

Ред цокнул языком и, складывая газету, ответил:

– Ну, сейчас не то чтобы дефицит работников.

– Дети хорошо себя вели?

– Да, нормально.

– Спасибо, что присмотрели за ними. Я пойду соберу их вещи.

Стем вышел в холл, поднялся по лестнице и шагнул в бывшую комнату своих сестер. Там теперь стояло несколько двухэтажных кроватей, а пол был завален скомканными пижамами, комиксами, рюкзаками. Стем, не разбираясь, где чье, распихал одежду по рюкзакам, закинул их на плечо, снова вышел на лестницу и крикнул:

– Мам?

Заглянул в спальню родителей. Эбби нет. Кровать аккуратно застелена, дверь ванной распахнута. Как и двери всех комнат подковообразного холла – спальни Денни, которая теперь служила Эбби кабинетом, детской ванной и его собственной комнаты. Стем поправил ляжки рюкзаков и начал спускаться.

Войдя на веранду, он сказал мальчишкам:

– Все, ребята, пора. Нужно найти ваши куртки. Сэмми, где твои ботинки?

– Не знаю.

– Ну так поищи.

Он еще раз заглянул на кухню. Ред наливал себе кофе.

– Мы поехали, пап, – сообщил Стем.

Отец словно бы не услышал.

– Пап, – повторил Стем.

Ред обернулся.

– Мы уезжаем.

– А! Хорошо. Поздравь от меня Нору с Новым годом.

– А ты передай маме от нас спасибо, хорошо? Как думаешь, она пошла по делам?

– Поделом?

– *По делам.* Она собиралась за чем-нибудь?

– Нет, она больше не водит машину.

– Не водит? – Стем поглядел изумленно. – Но на прошлой неделе она ездила.

– Нет, не ездила.

– Она отвозила Пити в гости к приятелю.

– Это было месяц назад как минимум. А теперь она больше не ездит.

– Почему? – спросил Стем.

Ред пожал плечами.

– Что-то случилось?

– По-моему, да, – сказал Ред.

Стем поставил рюкзаки на стол.

– Что именно?

– Она не признается. Но не авария, ничего такого. Машина на вид в полном порядке. Но она вернулась и заявила, что больше водить не будет.

– Вернулась откуда? – не унимался Стем.

– После того как отвезла Пити к другу.

– Ничего себе, – произнес Стем.

Они с Редом пару секунд смотрели друг на друга.

– Я сначала подумал, что надо продать ее машину, – заговорил Ред, – но тогда у нас останется только мой пикап. И потом, вдруг она передумает.

– Если что-то случилось, лучше пусть *не* передумывает, – ответил Стем.

– Но она же еще не старая. Всего-то семьдесят два на следующей неделе! Как она будет передвигаться всю оставшуюся жизнь?

Стем прошел через кухню и открыл дверь в подвал. Ясно было, что там никого нет – свет выключен, – но он все равно позвал:

– Мама!

Тишина.

Он закрыл подвал и направился обратно на застекленную веранду; Ред следовал за ним по пятам.

– Ребята, я должен найти бабушку, – объявил Стем.

Обстановка несколько не переменилась – мальчики валялись вокруг доски парчиси без курток, Сэмми по-прежнему в носках. Они непонимающе воззрились на отца.

– Когда вы спустились, она была здесь, да? – начал расследование Стем. – Приготовила вам завтрак.

– Мы не завтракали, – поведал Томми.

– Она не готовила завтрак?

– Она спросила, хотим мы хлопья или тосты, и ушла на кухню.

Сэмми пожаловался:

– Мне никогда-никогда не достаются фруктовые колечки. В коробке всего два, и их съедают Пити и Томми.

– Это потому, что мы с Томми старшие, – объяснил Пити.

– Так нечестно, папочка.

Стем повернулся к Реду и увидел, что тот напряженно вглядывается ему в лицо, как будто ждет перевода.

– Она не кормила детей завтраком, – сказал ему Стем.

– Давай посмотрим наверху.

– Я уже смотрел.

Но они все равно отправились наверх, как люди, которые снова и снова ищут ключи на обычном месте, не в силах поверить, что их там нет. Поднявшись, заглянули в детскую ванную, где царил ужасный беспорядок: везде скомканные полотенца, кляксы зубной пасты, пластиковые кораблики на боку на дне ванны. Потом вошли в кабинет Эбби – и там она сидела на кушетке, одетая и в фартуке. Из холла и не увидишь. Но не могла же она не слышать, что Стем ее зовет? Собака валялась на коврик у ее ног. При виде мужа и сына Эбби и собака подняли головы. Эбби проговорила:

– Ой, привет.

– Мама, мы тебя потеряли! – воскликнул Стем.

– Простите. Как вечеринка?

– Нормально, – ответил Стем. – Мы тебя звали, ты не слышала?

– Нет, кажется, нет, простите!

Ред тяжело дышал. Стем обернулся к нему. Ред провел рукой по лицу и сказал:

– Милая.

– Что? – чересчур бодрым голосом отозвалась Эбби.

– Милая, мы беспокоились.

– Ну что за ерунда! – Она расправила на коленях фартук.

Эта комната стала ее кабинетом после того, как Денни уехал насовсем, – место, где она могла уединиться и просматривать дела клиентов, которые брала домой, или беседовать с ними по телефону. Но и сейчас, на пенсии, она приходила сюда читать, писать стихи, просто посидеть. Встроенные шкафы, некогда хранившие швейные принадлежности Линии, были забиты дневниками Эбби, какими-то вырезками, самодельными открытками, что дарили ей дети. Одну стену сплошь, рамка к рамке, занимали семейные фотографии.

– Их же не разглядеть! – удивилась как-то Аманда. – Как ты можешь что-то здесь видеть?

Но Эбби весело ответила:

– Да мне и не нужно!

Разве не бессмыслица?

Обычно Эбби располагалась за письменным столом у окна и никогда – на кушетке, которую поставили здесь на всякий случай, для гостей. Поза Эбби поражала своей неестественной театральностью, казалось, она уселась так впопыхах, заслышав шаги. Она спокойно взирала на вошедших с пустой, непроницаемой улыбкой, но почему-то без единой веселой морщинки на лице.

– Ладно, – буркнул Стем, обменявшись взглядом с Редом, и вопрос был закрыт.

Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. И действительно, исчезновение Эбби задавало тон на весь 2012 год. Она, даже находясь дома, словно бы удалялась куда-то и нередко выпадала из общих бесед. Мать ведет себя так, будто вдруг влюбилась, говорила Аманда. Но даже если забыть, что Эбби, насколько они знали, всегда любила одного только Реда, в ней все равно не чувствовалось той счастливой эйфории, что неизменно сопутствует влюбленности. Она, скорее, казалась *несчастной* — очень для нее необычно. На лице застыл какой-то вечный каприз. Волосы, седые, стриженные до подбородка, густые и пышные, как парик старинной фарфоровой куклы, были вечно растрепаны, точно после потасовки.

Стем с Норой расспрашивали Пити о том, что случилось по дороге в гости к его другу, но тот вначале не понимал, о каком друге речь, а потом сказал, что по дороге ничего не случилось. Тогда Аманда подступилась непосредственно к Эбби. Дескать, ходят слухи, ты больше не водишь машину. Да, ответила Эбби, это мой маленький подарок самой себе – никогда и никуда больше не ездить. И одарила Аманду своей новой бесцветной улыбкой. «Отстань от меня», – читалось в этой улыбке. И еще: «Что-то не так? Тебе что-то не нравится?»

В феврале она выбросила «коробку задумок» – картонную, из-под ботинок «Изи Спирит»¹¹; за десятки лет там накопилось множество бумажных обрывков с идеями для стихов. Ветреным вечером Эбби положила эту коробку в мусорный бак, и к утру бумажки разлетелись по всей улице. Соседи находили их в кустах и на ковриках у порогов – «луна, как желток яйца всмятку», «сердце, воздушный шар, наполненный водой». Не оставалось сомнений в том, откуда они взялись. Все знали и о стихах, и о любви Эбби к цветистым метафорам. Большин-

¹¹ «Изи Спирит» (*Easy Spirit*) – знаменитый американский бренд удобной женской обуви на все случаи жизни.

ство поступило тактично и попросту выбросило бумажки, но Марж Эллис явилась к Уитшенкам с целой пригоршней и всучила их ничего не понимающему Реду.

– Эбби, – спросил он позднее, – ты что, правда хотела это выбросить?

– Я больше не буду писать стихи, – ответила она.

– Но мне нравились твои стихи!

– Да? – произнесла она без интереса. – Это очень приятно.

Реду, вероятно, больше импонировал сам *образ* — жена-поэтесса пишет стихи за антикварным столом, который по его распоряжению заново отполировал его же рабочий, и рассылает их по разным журнальчикам, откуда они немедленно возвращаются. Так-то оно так, но теперь и у Реда сделалось вечно несчастное лицо.

В апреле дети Эбби заметили, что она зовет собаку Клэрэнс, хотя тот давно умер, а у Бренды совсем другой окрас – золотой ретривер. Не черный лабрадор. Причем Эбби не просто, как обычно, путалась в именах: «Мэнди... то есть Стэм», когда на самом деле обращалась к Джинни. Нет, она уцепилась за неверную кличку, будто надеясь вызвать к жизни собаку своей молодости. Бедная Бренда, храни ее небеса, не знала, что делать. Недоуменно вздергивала светлые мохнатые брови и не реагировала на зов. Эбби раздраженно цокала языком.

Болезнь Альцгеймера? Нет, вряд ли. Эбби была не настолько неадекватна. Физически – тоже ничего такого, о чем стоило бы рассказать врачу, ни припадков, ни обмороков. Впрочем, к врачу она бы и не пошла. После шестидесяти она отказалась от услуг своего терапевта, заявив, что в ее возрасте «это уже экстрим». Да и доктор ее, кажется, оставил практику. Но если б и нет, то, вероятно, спросил бы: «Она забывчива?» – и ответом стало бы: «Не больше, чем обычно».

– Она непоследовательна в своих действиях?

– Не больше, чем...

В том-то и беда: для Эбби взбалмошность являлась нормой, поэтому никто не мог сказать, нормально ее нынешнее поведение или нет.

Девочкой она напоминала слегка чудаковатого эльфа. Зимой носила черные водолазки, летом – крестьянские блузы; длинные прямые волосы просто откидывала назад, в то время как все повально стриглись «под пажа» и с вечера завивались на бигуди. Но Эбби, не только поэтичная, но и артистичная, лихо отплясывала современные танцы и активно участвовала во всевозможных благородных делах. Без нее не обходились ни школьная кампания по раздаче консервов бедным, ни праздник Варежкового Дерева¹². Эбби, как и Меррик, училась в дорожной частной школе для девочек; ее приняли на стипендию, но она все равно оказалась лидером, звездой. В колледже она заплетала косы корзинкой и стояла в пикетах за гражданские права. В своем выпуске – одна из первых, но, вот ведь сюрприз, стала социальным работником и бесстрашно разгуливала по таким районам Балтимора, о существовании которых ее бывшие одноклассницы даже не подозревали. Она вышла замуж за Реда (которого знала так давно, что они оба не помнили, как познакомились), но разве сделалась обыкновенной? Вот еще! Она выступала за естественные роды, прилюдно кормила своих младенцев грудью, пичкала семейство пророщенной пшеницей и самодельным йогуртом, на марш против войны во Вьетнаме ходила с младшим ребенком под мышкой, детей отдала в государственные школы. Комнаты были полны ее поделок – кашпо из макраме, разноцветные вязаные серапе¹³. Эбби частенько подбирада людей на улице, и некоторые гостили в доме неделями. Домашние никогда не знали, сколько народу соберется к ужину Джуниор полагал, что Ред женился на ней, лишь бы досадить ему. Что, конечно, не соответствовало действительности. Ред попросту любил ее – такую как есть. Линии Мэй обожала невестку, а та в ответ обожала свекровь. Зато Меррик от Эбби

¹² День Варежкового Дерева празднуется ежегодно 6 декабря; заключается в создании дерева из теплых вещей (варежек, шарфов, шапок) для нуждающихся.

¹³ Серапе (или сарапе) – длинные шали-одеяла, распространенные в Мексике.

буквально шарахалась. Ей пришлось стать вожатой, «старшей сестрой» Эбби, когда ту перевели в их дорогую школу. Меррик сразу показалось, что девчонка никуда не годится, и время лишь подтвердило ее правоту.

Что касается детей, то они, разумеется, мать любили. Считалось, что даже Денни по-своему ее любит. Но они ее ужасно стеснялись. Когда к ним приходили друзья, она спокойно могла ворваться в комнату и начать декламировать стихи, которые только что сочинила. Или взять за пуговицу почтальона и долго объяснять, почему она верит в реинкарнацию. («Моцарт», такой аргумент она приводила. Слушая детские сочинения Моцарта, разве можно усомниться, что в их основе – опыт нескольких жизней?) А людей с малейшим намеком на иностранный акцент Эбби хватала за руку, проникновенно заглядывала в глаза и спрашивала:

– Скажите мне, где ваша родина?

– Мама! – возмущались потом дети.

А она удивлялась:

– Что? Что я сделала не так?

– Но это же тебя не касается, мам! Он-то, может, надеялся, что ты ничего не заметишь.

Думал, ты и не догадаешься, что он иностранец.

– Ерунда! Он должен *гордиться* этим. Я бы гордилась.

В ответ дети хором стонали.

Она лезла во все их дела без малейшего стеснения в полной уверенности, что так и нужно. Считала себя вправе задавать любые вопросы. И почему-то была убеждена: даже если они не хотят обсуждать что-то личное, то непременно передумают, предложи она им поменяться ролями. (Особый трюк соцработников, надо думать?)

– Давай представим, что все наоборот, – говорила она, склоняясь вперед. – И *ты* даешь совет *мне*. Допустим, это *мой* молодой человек ведет себя собственнически. – Она издавала глупый смешок и театральнo вскрикивала: – Ах, я не знаю, что делать! Ах, помогите мне!

– Мама. Ну честное слово...

Они старались по возможности не соприкасаться с ее «сиротами» – ветеранами, которым не удавалось вернуться к нормальной жизни, монахинями, бросившими монастырь, китайскими студентами из «Хопкинса»¹⁴, скучавшими по дому, – и считали День благодарения настоящим адом. Контрабандой таскали в дом белый хлеб и хот-доги, напичканные нитритами. Вздрагивали, узнав, что матери поручена организация школьного пикника. А сильнее всего, яростнее всего они ненавидели то, что она постоянно им *сострадает*. «Бедняжка, – вздыхала она, – у тебя такой усталый вид!» Или: «Тебе, должно быть, страшно одиноко!» Кто-то выражает любовь похвалами; Эбби предлагала одну только жалость. Что ее детям представлялось *невыносимым*.

И все же, когда Эбби, после того как младший ребенок пошел в школу, вернулась на работу, Джинни призналась Аманде, что не испытывает ожидаемого облегчения.

– Я думала, буду рада, – сказала она. – А сама то и дело ловлю себя на мысли: «Где мама? Почему не дышит мне в затылок?»

– Когда зубная боль проходит, тоже всегда замечаешь, – ответила Аманда, – но это не значит, что ты хочешь ее возвращения.

В мае у Реда случился инфаркт.

Не очень серьезный. Просто на работе Ред почувствовал себя плохо. Не так чтобы слишком, но Де'Онтей настоял и отвез его в больницу. Тем не менее для семьи это стало настоящим потрясением. Ему всего семьдесят четыре! На вид он абсолютно здоров: как в молодости, легко

¹⁴ Университет Джона Хопкинса – частный исследовательский университет, основанный в Балтиморе Джоном Хопкинсом (1795–1873), американским предпринимателем и филантропом.

взбирается по лестницам, таскает тяжести и в весе не прибавил ни фунта с самой свадьбы. Но Эбби теперь требовала, чтобы муж ушел на пенсию, и дочери с ней соглашались. А если он потеряет сознание где-нибудь на крыше? Ред заявил, что дома сойдет с ума. Стем заметил, что можно продолжать работать, только на крыши не лазить. Денни не было, поэтому в дискуссии он не участвовал, но в данном случае наверняка принял бы сторону Стема – для разнообразия.

Ред одержал верх и вернулся к работе вскоре после выписки из больницы. Выглядел он прекрасно. Правда, признавался, что чувствует некоторую слабость и устает быстрее, чем раньше. Впрочем, возможно, ему это лишь казалось; родные несколько раз замечали, как он щупает себе пульс и кладет ладонь на грудь, проверяя сердце.

– Все нормально? – спрашивала Эбби.

– *Естественно*, – отвечал он, раздражаясь, чего прежде за ним не водилось.

Он стал пользоваться слуховым аппаратом, но утверждал, что от него никакого проку, и часто забывал на своем комодe – две розовые пластиковые штуковинки, размером и формой похожие на цыплячье сердце. Как следствие, разговоры с заказчиками не всегда проходили гладко. Чаше и чаще Ред, хоть и с очевидной неохотой, перекладывал эту обязанность на Стема.

Дом он тоже забросил. Стем первый это заметил. Если раньше все здесь было тип-топ – нигде ни торчащего гвоздя, ни щербинки в оконной замазке, – то сейчас тут и там попадались следы запустения. Как-то вечером Аманда пришла с дочерью и, увидев, что Стем возится с рамой сетчатой двери, без особого интереса осведомилась:

– Что-то сломалось?

Стем выпрямился и сказал:

– Раньше он бы такого не допустил.

– Чего не допустил?

– Да сетка едва не вывалилась! И кран в уборной течет, не заметила?

– Бог ты мой, – бросила Аманда и хотела пройти вслед за Элизой в дом, но Стем прибавил:

– Он как будто потерял ко всему интерес, – и Аманда замерла на месте. – Кажется, что ему на все наплевать, – пожаловался Стем. – Я говорю: «Пап, сетка на двери вываливается», а он: «Черт побери, у меня же не сто глаз, чтобы за всякой ерундой следить!»

Это нечто: Ред огрызнулся на Стема. Тот всегда ходил у него в любимчиках.

– Должно быть, ему уже трудно управляться с таким большим домом, – предположила Аманда.

– Это еще не все. Однажды мама оставила на плите чайник, а Нора зашла и видит: чайник свистит вовсю, а папа в столовой как ни в чем не бывало выписывает чеки.

– Не услышал *чайник*?

– Очевидно.

– У меня от него барабанные перепонки чуть не лопаются, – проговорила Аманда. – Небось папа от него и оглох.

– По-моему, им больше нельзя жить одним, – заявил Стем.

– Да? Вот как.

И Аманда с задумчивым видом прошла мимо брата в дом.

Следующим вечером состоялось семейное заседание. Стем, Джинни и Аманда заскочили словно бы на минутку, без супругов и детей. Стем выглядел подозрительно нарядно; Аманда, как всегда идеально причесанная и с накрашенными губами, была в элегантном сером брючном костюме, который носила на работу; только Джинни, по обыкновению, не позаботилась о внешности: футболка, мятые штаны защитного цвета, длинные черные волосы кое-как собраны в хвост. Эбби очень обрадовалась. Рассадил всех в гостиной, воскликнула:

– Ну разве не замечательно! Совсем как в старые добрые времена! Не в смысле, конечно, что я не хотела бы видеть вас вместе с семьями...

Ред вмешался:

– В чем дело?

– Понимаете, – начала Аманда, – мы тут подумали про ваш дом.

– И что дом?

– Вам, наверное, стало труднее за ним следить, все-таки вы с мамой не молодеете.

– Я могу следить за домом, даже если мне одну руку привяжут за спиной.

Последовала пауза; видимо, дети решали, стоит ли с ним спорить. К их удивлению, на помощь пришла Эбби.

– Разумеется, можешь, милый, – сказала она. – Но тебе не кажется, что пора бы уже больше отдыхать?

– Поле пропахать?

Дети не то засмеялись, не то застонали.

– Видите, с чем мне приходится мириться? – воззвала к ним Эбби. – Он не желает носить слуховой аппарат! А когда притворяется, что слышит меня, то несет сушью околесицу. Просто... бред какой-то! Я говорю: «Пошла на рынок за овощами», а он мне: «Барвинок с хвощами?»

– Я же не виноват, что ты мямлишь, – буркнул Ред.

Эбби громко вздохнула.

– Вернемся к делу, – бодро произнесла Аманда. – Мама, папа, мы считаем, что вам лучше переехать.

– Переехать? – хором вскричали Ред и Эбби.

– Но, папа, у тебя сердце, а мама больше не водит... Мы думаем, может быть, в резиденцию для пожилых людей? Неплохое решение.

– В резиденцию для пожилых, как же. Это ведь для *стариков*. Для чопорных старушенций с вечно поджатыми губами, которые давно похоронили мужей. И вы полагаете, что нам с матерью там будет хорошо? Думаете, нас там примут с распростертыми объятиями?

– Конечно, примут, папа. Да ты же им всем дома перестраивал!

– Ага, – хмыкнул Ред. – Только мы, знаете ли, с вашей мамой люди независимые. Которые справляются.

Дети явно считали, что восхищаться тут нечем.

– Хорошо, – сказала Джинни. – Пусть не резиденция. Как насчет кондоминиума? Квартирки с садиком где-нибудь в округе Балтимор?

– Все эти квартирки из картона, – отрезал Ред.

– Нет, пап, не все. Некоторые очень хорошо построены.

– А что делать с домом, если мы переедем?

– Продать, наверное.

– Продать! Кому? С начала кризиса здесь полный застой. Мы будем продавать его вечно. Думаешь, я брошу родовое гнездо? Оставлю дом гнить и разваливаться на части?

– Папа, конечно же, мы не допустим, чтобы он...

– Дому нужны люди, – перебил Ред, – и вы это прекрасно знаете. Разумеется, люди много чего портят. Царапают полы, засоряют унитазы и все такое, но это ерунда по сравнению с тем, что бывает, если дом стоит пустой. Это как сердце из него вырвать. Все в нем проседает, провисает, и сам он заваливается набок. Да я с одного взгляда на конек крыши сразу скажу, жилое это место или нет. И вы полагаете, что я способен поступить так с собственным домом?

– Рано или поздно *кто-нибудь* его купит, – сказала Джинни. – А пока я буду каждый день приходить и все проверять. Включать краны. Заходить в комнаты. Открывать окна.

– Это не то, – вздохнул Ред. – Дом все равно почувствует.

Эбби спросила:

– Дети, а вы не хотите его купить? За доллар. Или как там это делается.

Воцарилось молчание. Ее детей вполне устраивали собственные дома, и Эбби это знала. – Он так долго служил нам верой и правдой, – произнесла она с тоской. – Помните, как нам тут было хороню? А я помню, как приходила сюда еще девочкой. А уж сколько мы сидели здесь на крыльце, когда ваш папа за мной ухаживал! Помнишь, Ред?

Он досадливо отмахнулся.

– А как я привезла сюда Джинни из больницы? – продолжала Эбби. – Малышка, три денька от роду. В ажурном одеяльце, которое бабушка Далтон связала крючком еще для Мэнди, и так завернута, что прямо не ребенок, а маленькое буррито. Я вошла с ней в дверь и говорю: «Это твой дом, Джинн Энн. Здесь ты будешь жить и здесь будешь очень счастлива!»

Глаза Эбби наполнились слезами. Дети уткнулись взглядами в собственные колени.

– Ой, ладно, – и она издала какой-то дребезжащий смешок. – Послушайте, зачем беспокоиться о том, чего еще неизвестно сколько ждать? Клэрэнс ведь пока жив.

– Кто? – переспросил Ред.

– Бренда. Она имеет в виду Бренду, – пояснила Аманда.

– Жестоко куда-то перевозить Клэрэнса на старости лет, – объявила Эбби.

После этого, похоже, ни у кого не осталось сил продолжать дискуссию.

Аманда уговорила Реда нанять домработницу, которая к тому же будет водить машину. Эбби занималась хозяйством сама, даже когда ходила на службу, но Аманда сказала:

– Скоро ты привыкнешь и будешь жить как королева. А если захочешь куда-то поехать, миссис Гирт тебя отвезет.

– Если и захочу, то только затем, чтобы убраться от нее подальше, – отозвалась Эбби.

Аманда рассмеялась, будто в ответ на шутку, но Эбби говорила серьезно.

Миссис Гирт, женщине крупной и жизнерадостной, было шестьдесят восемь лет. Ее временно уволили с работы в школьной столовой, и она нуждалась в дополнительном доходе. Приходила каждое утро в девять и начинала возиться: кое-как убирала, вытирала пыль. Затем ставила на веранде гладильную доску и, вода утюгом, смотрела телевизор. Конечно, у двух пожилых людей не так-то много белья, но Аманда велела не сидеть без дела. Эбби между тем пряталась в другой части дома и, вразрез со своей привычкой, нисколько не интересовалась подробностями биографии новой знакомой. Но стоило ей пошевелиться, как миссис Гирт выскакивала с веранды и спрашивала: «Вы как? Нормалек? Может, нужно чего? Хотите, отвезу куда-нить?» Эбби говорила, что это непереносимо, и жаловалась Реду, что живет как будто в чужом доме.

И все-таки ни разу не спросила, *для чего*, собственно, взяли эту женщину.

Через две недели миссис Гирт силой вырвала у Эбби сковородку и настояла, что сама сделает ей омлет. Утюг, брошенный ею на веранде, прожег дыру в кухонном полотенце. И хотя серьезно пострадало лишь полотенце – обычное, махровое, которое и гладить-то не нужно, – с миссис Гирт было покончено. Аманда объявила, что отныне они будут нанимать людей только до сорока. И добавила: «Предпочтительнее мужчину», правда, не объяснила почему.

Но Эбби как отрубилась:

– Нет.

– Нет? – повторила Аманда. – Ну хорошо. Тогда женщину.

– Ни мужчину, ни женщину. Никого.

– Но, мама...

– Не могу! – закричала Эбби. – Не могу этого терпеть! – И она заплакала. – Невозможно, когда в доме болтаются посторонние! Знаю, ты считаешь, что я старая и выжила из ума, но мне *плохо!* Лучше уж сразу умереть!

Джинни залепетала:

– Мамочка, успокойся. Мамочка, пожалуйста, не плачь. Мамочка, милая, мы совсем не хотели тебя расстраивать...

Она тоже плакала. Ред пытался отодвинуть и ее, и Аманду, чтобы обнять Эбби, а Стем вышагивал кругами и ерошил волосы. Он всегда так делал, если нервничал.

Итак: ни мужчины, ни женщины, никого. Ред и Эбби снова остались одни.

Вплоть до конца июня, когда Эбби нашли блуждающей в ночной рубашке по Боутон-роуд, а Ред, как выяснилось, даже не заметил ее отсутствия.

Тогда Стем объявил, что они с Норой переезжают к родителям.

* * *

Ведь Аманда, понятно же, не могла. Она, Хью и их дочь-подросток были до того заняты, что свою корги по утрам отправляли в собачий детский сад. Джинни с семьей жила в доме, где вырос ее Хью, с его матерью в гостевой комнате. Им пришлось бы переехать вместе с миссис Энджелл – сушая нелепость. А Денни, стоит ли говорить, исключался из рассмотрения.

Казалось бы, Стема тем более следовало исключить. Во-первых, их с Норой гиперактивные сыновья требовали постоянного внимания, а во-вторых, они обожали свой дом в стиле крафтсман¹⁵ на Харфорд-роуд и вечно там что-то любовно усовершенствовали. Было жестоко просить их его покинуть.

Но Нора, по крайней мере, весь день находилась дома. А Стем, человек мягкий и покладистый, как должное воспринимал то, что не все в жизни идет по его задумке. И даже находил в собственном предложении все новые и новые преимущества. Мальчики будут проводить больше времени с бабушкой и дедушкой! Они смогут ходить в местный бассейн!

Его сестры, свыкшись с этой мыслью, даже не спорили, только спросили растерянно: «Ты уверен?»

Родители сопротивлялись дольше. Ред сказал:

– Сынок, мы не вправе требовать от тебя таких жертв.

Эбби опять расплакалась. Но их с Редом лица выразили грустную задумчивость. Это ли не идеальный выход из положения!

И Стем твердо объявил:

– Мы переезжаем. И точка.

Что же, решено так решено.

Переезд состоялся в начале августа, в субботу днем. Стем и Хью, муж Джинни, с помощью Мигеля и Луиса с работы погрузили в пикап Стема чемоданы, ящики с игрушками, целый ворох двухколесных и трехколесных велосипедов, детские машины с педалями, самокаты; мебель они оставили своим жильцам – иракским беженцам, получавшим пособие от церкви Норы. Сама же Нора тем временем отвезла мальчиков и собаку в дом Реда и Эбби.

Нора, женщина очень красивая, не сознавала своей красоты. У нее были каштановые волосы и широкое, спокойное, мечтательное лицо. Она не пользовалась макияжем и носила недорогие хлопчатобумажные платья на пуговицах спереди. Когда она шла, подол ее платья колыхался плавно, будто в замедленной съемке, и все мужчины вокруг замирали и смотрели заворуженно. Но Нора не замечала их взглядов.

¹⁵ Американский стиль крафтсман появился в начале XX века, его отличительная особенность – широкое применение изящных деревянных деталей, встроенных шкафчиков, полок и т. п., оптимизирующих пространство при небольшой площади комнат. Для домов этого стиля характерна низкая – часто в несколько уровней – крыша и широкое крыльцо на тяжелых квадратных колоннах.

Она поставила машину на улице, как гость, и вместе с сыновьями и собакой стала подниматься к дому Мальчики и Хайди прыгали, вертелись и спотыкались друг о друга, а Нора плыла следом. Ред и Эбби, стоя рядом, ждали их на крыльце, волновались.

Пити закричал:

– Привет, бабушка! Привет, дедушка!

А Томми сообщил:

– Мы теперь будем здесь жить!

Они словно с ума посходили, узнав об этом, и до сих пор не могли успокоиться. Что чувствует Нора, никто не знал. С виду казалось: она, подобно своему мужу, покорно принимает все, что ни пошлет судьба. Нора ступила на крыльцо. Ред поприветствовал:

– Добро пожаловать!

Эбби шагнула к невестке и обняла ее:

– Здравствуй, Нора. Мы очень благодарны, что вы решились на это.

Нора в ответ улыбнулась своей медленной, загадочной улыбкой, отчего на щеках появились две глубокие ямочки.

Мальчикам отвели комнату с двухэтажными кроватями. Они понеслись наверх, обгоняя взрослых, и попадали туда, где всегда спали, когда здесь гостили. Стем и Нора, предполагалось, поселятся в старой комнате Стема – по диагонали через холл.

– Я сняла все плакаты и прочее, – сказала Эбби Норе, – так что вы, пожалуйста, чувствуйте себя свободно, вешайте на стенах что хотите. Еще я освободила шкаф и письменный стол. Вам хватит места для вещей, как думаешь?

– Да, – тихо и мелодично отозвалась Нора – первое ее слово с момента приезда.

– Кровать, к сожалению, еще не привезли, – продолжала Эбби, – доставят только во вторник. А пока, боюсь, вам придется довольствоваться двумя односпальными.

Нора опять улыбнулась, подошла к письменному столу и положила на него записную книжку.

– На ужин будет жареная курица, – изрекла она.

Ред переспросил:

– Что?

И Эбби громко повторила:

– Жареная курица. – А затем уже тише добавила: – Мы любим курицу, но тебе вовсе необязательно для нас готовить.

– Я люблю готовить, – ответила Нора.

– Тогда пусть Ред сходит за продуктами?

– Дуглас привезет продукты на грузовике.

Дуглас – в смысле Стем. Но настоящим именем его в семье не называли с двух лет, поэтому в первую секунду никто не мог сообразить, о ком речь, хотя они и понимали, что Норе приятно называть мужа «как взрослого».

Когда Нора и Стем объявили, что собираются пожениться, Эбби робко спросила:

– Прошу прощения, но хочешь ли ты, чтобы... Дуглас перешел в твою церковь?

Они только и знали о Норе, что та принадлежит к фундаменталистской конфессии и что религия играет в ее жизни очень серьезную роль. Однако Нора ответила:

– О нет. Я не верю в переменную евангелизацию.

Эбби позже передала своим дочерям:

– Она не верит в «переменную евангелизацию».

Из-за этого Нору долго считали недалекой, хотя до рождения детей она и занимала вполне ответственную должность – медсестры во врачебном кабинете. И время от времени отпускала пугающе глубокомысленные замечания. Или это выходило случайно? Нора остава-

лась для них загадкой. Может, теперь, живя вместе, они поймут наконец, какая она на самом деле?

Ред и Эбби оставили ее наверху разбираться с детьми, которые молотили друг друга подушками, а Хайди, взбалмошная колли, прыгала вокруг и отчаянно гавкала. Уитшенки-старшие спустились в гостиную. Делать было ничего не нужно, и они просто сели, сложив на коленях руки, и воззрились друг на друга. Эбби сказала:

– Что же, так до конца дней и проживем?

Ред не понял:

– Чего?

– Ничего, – ответила Эбби.

Стем и Хью, муж Джинни, подъехали на грузовике к задней двери, и все, даже дети и Эбби, пошли разгружать вещи. Нора же, приняв от Стема первое, что он внес, – сумку-холодильник с продуктами, достала лежавший поверх всего фартук фасона сороковых годов. Матери Реда и Эбби носили такие – ситцевые, в цветочек, с нагрудником на лямках, застегивающихся на шее сзади. Нора надела его и начала готовить.

За ужином очень много говорили о том, как же им разместиться. Эбби все предлагала поселить кого-то из мальчиков в ее кабинете.

– Может, Пити, он старший? – говорила она. – Или Сэмми, раз он младший?

– Или меня, раз я средний, – завопил Томми.

– Не волнуйся, мама, – сказал Стем. – Они и дома жили в одной комнате. Привыкли.

– Уж не знаю почему, – заметила Эбби, – но последние несколько лет дом вечно кажется не того размера. Когда мы с отцом одни, он слишком большой, а когда вы все приезжаете в гости, слишком маленький.

– Все будет нормально, – успокоил Стем.

– Это вы о собаке? – спросил Ред.

– Собаке?

– Не представляю себе двух собак на одной территории.

– Что ты, Ред, они прекрасно уживутся, – заверила Эбби, – ведь Клэрэнс просто ягненок, ты же знаешь.

– Что-что?

– Клэрэнс сейчас валяется на моей кровати, – объявил Пити, – а Хайди – на кровати Сэмми.

Ред перебил Пити, возможно не поняв, что тот вообще что-то говорит:

– Мой отец был против собак в доме. Они для дома настоящая чума и дерево портят. Отец выставил бы эту парочку во двор. Ему бы и не понять, на кой они сдались, если от них нет пользы.

Взрослые слышали это уже столько раз, что не потрудились ответить, но Пити возразил:

– От Хайди есть польза! Она нас веселит.

– Лучше б овец пасла, – проворчал Ред.

– Ой, а можно мы заведем овец, дедушка? Можно?

– Курица превосходная, – сказала Эбби Норе.

– Спасибо.

– Ред, правда, курица превосходная?

– А то! Я уже съел два куска и подумываю о третьем.

– Куда тебе три? Сплошной холестерин!

В кухне зазвонил телефон.

– Батюшки, кто это может быть? – всполошилась Эбби.

– Есть только один способ узнать, – съязвил Ред.

– Я не стану отвечать. Все нормальные люди знают, что сейчас время ужина, – заявила Эбби, но сама уже отодвигала стул и вставала из-за стола.

Ей всегда казалось, что кто-то непременно сейчас в ней нуждается. Она бросилась на кухню, по пути чуть не задвинув парочку своих внуков под стол.

– Да? – услышали все. – Ой, привет, Денни!

Стем и Ред повернули головы. Нора положила горку шпината на тарелку Сэмми, который скривился от отвращения.

– Нет, никто не думал... Что? Ой, ну что за глупости. Никто не знал...

– Что на десерт? – поинтересовался Томми у мамы.

Стем шикнул на него:

– Ш-ш-ш, бабушка разговаривает.

– Черничный пирог, – сказала Нора.

– Вкуснятина!

– Да, конечно, мы бы... – бормотала Эбби. Последовала пауза. – А вот это неправда, Денни! Это попросту непра... Алло?

Через секунду раздался шелчок: Эбби положила трубку на рычаг телефона, висевшего на стене. И появилась в дверном проеме.

– Это Денни, – сообщила она всем, – он приезжает сегодня. В полпервого ночи. Говорит, чтобы мы оставили дверь незапертой, а он возьмет на вокзале такси.

– Ха! Вот и пусть, – бросил Ред. – Я в такое время вставать не намерен.

– Возможно, тебе все-таки стоило бы его встретить.

– Это еще почему?

– Я встречу, – предложил Стем.

– Нет, милый, лучше отец.

Все замолчали.

– Что там у него опять? – осведомился все же Ред.

– Опять? – повторила Эбби. – Нет, не то чтобы опять. Просто он не понимает, почему мы не попросили *его* пожить с нами.

Даже Нора посмотрела удивленно.

– Почему не попросили? – изумился Ред. – А он бы что, согласился?

– Говорит, что да. И что все равно сейчас приедет.

Эбби так и стояла в проеме, но сейчас вернулась на свое место и рухнула на стул, будто после утомительного путешествия.

– Он узнал от Джинни, что вы переезжаете, – сказала она Стему, – и недоволен, что с ним не посоветовались. Якобы в доме нет на вас на всех комнат и переехать следовало ему.

Нора принялась абсолютно бесшумно собирать тарелки и составлять их в стопку.

– А что неправда? – спросил Ред у Эбби.

– Что?

– Ты говорила: «А вот это неправда, Денни».

– Видишь, каков? – обратилась Эбби к Стему. – То глух как пень, а то вдруг слышит, что происходит на кухне.

– Так что неправда, Эбби? – упорствовал Ред.

– Ну, – беззаботно отозвалась Эбби, – *сам* знаешь. Обычная история.

Она аккуратно положила серебряные нож и вилку поперек тарелки и отдала ее Норе.

– Он не понимает, почему мы позвали Стема, если он... ну, ты понимаешь. Если он не Уитшенк.

Повисла новая пауза. Нора, все так же беззвучно, одним плавным движением поднялась и понесла тарелки на кухню.

Стем и правда был не Уитшенк. Но только в самом буквальном понимании слова.

Люди как-то забывали о том, что Стем – сын укладчика кафеля Одиночки О’Брайана, Лоренса О’Брайана, если по-настоящему. Только он, подобно большинству укладчиков, был нелюдим, любил работать один и никогда не болтал о личном, вот его и прозвали Одиночкой. Ред всегда утверждал, что Одиночка кладет кафель лучше всех, хоть и далеко не быстрее.

Казалось странным, что у Одиночки есть ребенок. Глядя на него, высоченного, тощего как скелет и такого светлогожего, что видны кости черепа, никто почему-то не сомневался, что живет он отшельником, без жены, без детей, без друзей. Да, без жены и, наверное, без друзей, зато с сыном по имени Дуглас. И несколько раз, когда подводили няни, он приводил малыша с собой на работу. Правилами такое запрещалось, но, поскольку укладчикам не требовалось заходить в опасную зону, Ред смотрел на нарушение сквозь пальцы. Одиночка шел напрямик на кухню или в ванную, где работал, а Дуглас семенил за ним на коротких ножках. Одиночка никогда не смотрел, поспевают ли за ним мальчик, а тот не жаловался и не просил подождать. Они устраивались в помещении, плотно закрывали дверь, и все утро из-за двери не доносилось ни звука. В обед выходили, отец, а за ним, ковыляя, Дуглас, и ели сэндвичи – вроде бы вместе с остальными, а вроде бы и в сторонке. Дуглас, совсем еще маленький,пил из бутылочки с соской. Он не отличался миловидностью и походил скорее на беспризорника, чем на рекламного бутуза с ямочками на щеках, какими принято представлять детей этого возраста. Волосы у него были почти белые, стриженные колючим ежиком, глаза – бледно-бледно-голубые, с розоватым ободком по краям. Вся одежда, казалось, была ему велика. Создавалось впечатление, что это она его носит, нацепив впопыхах, как очки или шарф. Брюки ему подворачивали несколько раз. Красная курточка выглядела огромной на его паучьей фигурке, из-под эластичных манжет едва виднелись кончики пальцев, припорошенные белым, как и у отца, – издержки профессии.

Другие рабочие всячески старались развлечь мальчика. Эй, старина, говорили, что скажешь, приятель? Но Дуглас лишь теснее жался к отцу и смотрел на них неотрывно. Одиночка не пытался помочь, как сделали бы на его месте почти все родители, не отвечал за ребенка, не зывал к его хорошим манерам. Нет – равнодушно жевал свой убогий сэндвич, наспех слепленный из помятых кусков «Уандербрэд»¹⁶.

– А где наша мамочка? – спрашивал иногда кто-нибудь новенький. – Болеет нынче?

– Путешествует, – отвечивал Одиночка, не удосуживаясь поднять глаза.

Новенький тогда вопросительно оглядывался на остальных, а те показывали глазами в сторону, что значило «расскажем потом». И действительно, впоследствии кто-нибудь просветил любопытного, в охотниках не было недостатка; рабочие – заядлые сплетники. «Мамаша этого мальчугана сделала ноги, когда он еще только родился. Бросила Одиночку самого кашу расхлебывать, представляешь? Но если его спрашивают, то он говорит, что она, мол, в отъезде. Делает вид, что она еще вернется».

¹⁶ «Уандербрэд» (*Wonder Bread*) – один из первых заранее порезанных на куски сортов хлеба, впервые появившийся в Америке в 1921 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.